

ЧЕЛОВЕК

Никита Чернов

12+

Никита Чернов

Человек

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56554511
SelfPub; 2020*

Аннотация

Человек. Он ещё не занял своего места на троне и не отобрал власть. Кто он и во что верит? На что он способен один на один с Высшей силой – Природой и самой Смертью? Способен ли человек пройти проверку на прочность?

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	8
Глава вторая	9
1	9
2	11
3	12
4	13
5	14
6	18
7	20
8	23
9	24
10	28
11	32
12	45
Глава третья	48
1	48
2	54
3	66
4	68
5	71
6	73

7	75
8	77
9	81
10	85
11	86
12	88
13	90
14	91
15	95

Человек. Он ещё не занял своего места на троне и не отобрал власть. Кто он и во что верит? На что он способен один на один с Высшей силой – Природой и самой Смертью? Способен ли человек пройти проверку на прочность?

«Времена не выбирают, в них живут и умирают...»

А.С. Кушнер

Глава первая

1

Лучи солнца пробивались сквозь слегка мутное небо и отражались яркими вспышкам от влаги на траве и на листьях деревьев – будто на растениях рассыпаны груды изумрудов. А реки и крошечные озёра превращались в огромные зеркала, сотворённые неведомой рукой. Воздух дурманил своим богатством запахов: трав и цветений; а легкое дуновение ветерка крало сознание и, будто заботливая и нежная мать, укладывало в зелёную колыбель. Мощные потоки воздуха подхватывали летящие семена-пушинки одуванчика и, закручивая их подобно зонтам, отправляли в воздушный вальс. Их шаг был так же невесом, как и они, а движения – изящны, как полёт капли дождя. Каждая частица этого мира была связана в густую паутину – дотронься до одной, и вся бесконечная сеть задрожит.

Молодой оленёнок опустил голову и, откусив листочек клевера, тут же поднял её, боясь потерять мать.

– Ы-ы, – протянул оленёнок, пытаясь привлечь внимание матери, что щипала траву рядом.

Материнские инстинкты мгновенно отреагировали. Её глаза с ужасающей скоростью переместились к месту, откуда

донёлся крик её дитя. Всё тело перешло в напряжение, готовясь к броску, чтобы закрыть собственным телом бесценное сокровище, драгоценность, в которой была вся суть её жизни.

Но ничего страшного не случилось: лишь маленький напуганный оленёнок. Мать в пару широких шагов преодолела расстояние между ними и лизнула оленёнка в нос. Он ощутил материнскую заботу и страх ушёл, но тут же пришёл голод – детёныш жадно присосался к материнскому вымени, потягивая жирное питательное молоко, наполняясь жизнью.

2

Небо пропиталось серыми и чёрными красками. Всё пространство заполнилось вибрацией и напряжением. Пронеслась первая капля дождя, за ней вторая и нескончаемые тысячи. Воздух напоился запахом мокрой почвы, прелых листьев и травы.

Незаметно пространство забило жужжание и свист. Каждая частичка хрупкой вселенной задрожала. Мир будто издал едва уловимый, больше похожий на шёпот, бессильный вопль.

В следующую секунду раздался молниеносный, еле различимый, звук удара, а после что-то глухо упало. Теперь воздух наполнил острый запах крови и страха.

Олениха лизнула теплым языком бездыханное тело оленёнка, но дитя не пошевелилось. В сантиметре над ухом животного раздался ещё один щелчок и в следующий миг нежную кожу оленёнка пробило жгучее остриё, пробираясь сквозь рёбра и заканчивая свой путь в лёгких, выбивая из них оставшийся кислород. Животное отскочило и в панике понеслось прочь, утопая в какофонии звуков: летящих стрел и камней, криков и лязга стали, топота и ржания коней.

Глава вторая

1

Сотни лошадиных ног несли своих седоков вперёд, врываясь сквозь лес в травяное море, где уже тонули сотни воинов, где холодная сталь становилась раскалённой докрасна. Тела коней шли сквозь волны людей и, будто корабли, разбивали их. А копья и мечи всадников, будто вёсла, толкали эти живые драккары вперёд.

– А-р! – кричал всадник, наклоняя вниз тяжёлое копьё. Конь несся вперёд, заставляя подпрыгивать в седле своего седока в белом сюрко и цилиндрическом шлеме, узкие смотровые щели которого превращали поле боя в жутко смазанную картину, а бесконечный ливень, будто кисточками, разбрызгивал краску по полотну. Куски мокрой земли и глины вылетали из-под мощных ударов копыт. Копьё, вдруг ставшее тяжелее самой земной тверди, едва поднималось в ударную позицию. В смотровых щелях уже появились всадники в белом, стремительно обгонявшие воина справа и слева, а между ними, как свечи во тьме, чёрные всадники, почти слившиеся в мутные пятна.

Чёрный силуэт рывками преодолевал расстояние между ним и белым воином, оказываясь в новом месте с каждым

взмахом век. Круглый щит крепко прижат к левому плечу, а копьё уже порхает на уровне груди врага. Возможно, последний вдох. Почти неожиданная вибрирующая отдача копья в руку, а за ней столь же стремительный выстрел боли, прошедший через всю руку до плеча. Кони врезались друг в друга; копьё чёрного всадника переломилось, но он этого уже не слышал. Жеребец нёс его тело прочь от поля битвы, от безумия и проливающейся крови, пробиваясь через людей и заросли тимофеевки.

2

Нервные импульсы ещё не успели пробиться через завесу болевого шока в его солнечном сплетении, но тело чувствовало, как его вырывает из седла, ступни легко выскользывают из стремян и как после оно описывает в пространстве дугу: шея и черная грива коня, враги и союзники, рвущие друг друга, чёрное, будто сажа, небо, прорывающийся в смотровые щели ливень, заливающий глаза, макушки берёз – всё это превратилось в одну смазанную вертикальную панораму. Падение выбивает последний воздух из лёгких, тело наливается морозящим свинцом, а в глазах темнеет, но сознание прозрачно как никогда, и всадник успевает понять, что больше он не поднимется.

Удар в голову – кто-то споткнулся о всадника; разбитые рёбра придавили сердце – а вот кто-то наступил на его грудь. Больше его карие глаза с пышными ресницами не раскроются, очаровывая молодых дев, бегающих среди непроглядных зарослей ржи, таких же огненно-рыжих, как и их струящиеся кудрявые волосы.

3

Меч, ещё не знавший крови, взорвал шею молодого воина, разрезав шарф, связанный любимой. Оторвался от плоти, будто испуганный пёс от кости. Заблокировал удар противника, разразившись скрежетом. Сверху-вниз рубанул по щиту, вырвав лишь клочок щепок. Взлетел в воздух, покинув руку мужчины, разрубленного двуручным собратом от плеча до бедра. Мечи вгрызались в плоть друг друга, будто бешеные гиены в борьбе за падаль, исполняя свой танец – танец существа, чей голод вряд ли возможно утолить.

4

Чёрная кавалерия шла сквозь белые ряды будто иглы сквозь шёлк. Белые пикинёры, как и собственная кавалерия, утонули, захлебнулись во вражьих рядах. Латники уже приняли удар. Строй нарушен, ряды разбиты. Чёрные волны заливают с головой. Хаос: кровь и визги, вопли и проклятия, призывы на помощь и выкрики приказов.

Тьма. Та тьма, что следует за человеком каждый раз, когда он закрывает глаза и сознание покидает его воспалённый разум, каждый раз, когда он окунается в сон или ещё совсем до рождения на свет. Эта тьма и ничего более не сопровождало пробуждение.

Перед глазами небесная гладь. Белоснежные облака, с нежным налётом розового заката, стройными рядами шли на восток. Мягкий прохладный ветер дует в лицо, вызывая невероятное наслаждение. В глаз ударил свет, за ним грохот, будто молота по наковальне – виски вспыхивают искрами, что раскалённое железо, и лишь сдавленный хрип вырывается из груди. Лёгкие пытаются насытиться воздухом, но вспыхивают огнём. Осторожно, маленькими глотками, будто горячий, ещё даже кипящий чай лёгкие втягивают воздух. Мысленный сигнал улетает в руку, но та непослушно и тяжело ползёт от торса к голове, как змея. Жуткая дрожь сотрясает пальцы. Они ложатся на холодный лоб и спускаются на правый глаз, освобождая от оков. На кожаной перчатке уже свернувшаяся кровь с грязью. С каждым глотком воздуха дышать всё легче, хоть боль и не уходит совсем – сознание проясняется. Мысли приняли подобие порядка.

Он приподнимается на локтях. Боль в легких всё ещё отдаётся по всему телу, сотрясая его дрожью. Ноги до пояса

погребены под трупом лошади и совсем не слушаются. Но от беспомощных конечностей его отвлекает резкий крик боли, ужаса и страха. Слух практически мгновенно наводит зрение на источник звука.

Чёрный всадник навис над воином в когда-то белом сюрко, теперь же едва ли отличавшемся от цвета формы всадника. Выгнувшееся тело воина в предсмертных конвульсиях и нагитана всадника напоминали мост и его опору. Конник вырвал копьё, а вместе с ним и последний вздох мужчины.

Взгляд всадника встретился с незванным наблюдателем.

«Бежать», – просияла молнией мысль в голове человека.

Между ним и всадником была добрая сотня метров, усеянная плодами недавней битвы. Опыт подсказывал всаднику – и не пытаться преодолеть полосу препятствий. Он отвёл руку назад, подбросил нагитану вертикально...

Изображая морского льва, человек попытался вырваться из оков, вытягивая ноги из плена собственного скакуна. Не без труда конечности вырвались из-под туши и сработали как пружина, круто выстрелив тело человека вперёд. Руки оказались под пахом, сложившись вдоль, а голова в каше из одуванчиков и земли.

Притяжение земли отправило обратно в руку оружие всадника. Лицо исказилось гримасой злобы, желанием прикончить врага. Губы распахнулись и растянулись, раскрывая желтоватые зубы. Воздух вырвался из груди, а вместе с ним нагитана по навесной траектории.

Голова шлёпнулась о грязь и боль снова рванула нервы, смешиваясь со страхом и адреналином, вкачивающемся в сосуды в немыслимых количествах. Человек вскочил и рванулся вперёд, едва переставляя затёкшие ноги, не успевающие за желаемым ритмом.

Именно в такие моменты время будто растягивается, становясь невероятно эластичным, как патока. Поток мыслей становится фантастически чистым, как озёрная гладь, глаза замечают летящую мушку, взмах крыла воробья, не говоря уже о летящей нагатане. Несбалансированное для полётов копьё шлёпнулось о спину мёртвого воина, отскочив от его панциря.

– Асгрим, – проорал всадник, обратив разъярённые глаза на лучника в очернённой кольчуге, стянутой ремнём на поясе, – убей!

Наученные опытом, глаза лучника мгновенно вырвали серую цель на фоне деревьев – всё ещё в зоне поражения, но отдаляющуюся с каждой секундой. Спешно правая рука дёрнулась за спину, левая уже готовила добротный длинный ясенеvый лук. Тетива натянула плечи; стрела ушла в полёт по дуге, поигрывая искрящимися солнечными зайчиками на наконечнике.

Легкие пылают жаром, вытягивая кислород из пространства, ноги выдирают землю и траву, отправляя ошмётки в спину, до леса остаются считанные метры. Вот он – шанс! Ещё немного и появится шанс на спасение. Дыхание вытал-

кивает и всасывает воздух, локти летят то вперёд, то назад.

Острая боль пробивает правое бедро несколькими сантиметрами выше колена. Сдавленный вскрик вырывается из груди человека. Разум пуст, он ждёт исхода. Нога сгибается под неестественным углом, но равновесие удаётся сохранить – он падает на правое колено, спина согнута, опирается на руки.

На какие-то мгновения, где-то в затаённых уголках черепной коробки пролетает мысль об остановке. Сдаться. Перестать бежать, задышаться и терпеть боль. Но этот миг сменяется стремительным уколом страха смерти, желания жить. Безумным страхом, от которого хочется спрятаться в теплых объятиях матери и плакать – нет, даже рыдать от бессилия. И грязный честный стыд.

– Взять его! – орал всадник за спиной человека.

Прерывистое дыхание. Бесконечная и влекущая мгла между ветвей необычайно высоких елей, уходящих в серо-синее небо. Человек поднялся, борясь с болью в ноге, подкашивающей, пульсирующей во всё тело. Первый шаг и он чуть не упал, шаг правой ноги, похожий скорее на бросок чего-то чужеродного прочь, лишь бы не касаться. Левая-права, левая-правая. И вот он уже входит в лесную свежесть, охватывающую его со всех сторон, хлестающую холодным воздухом по щекам. Врывается меж еловых ветвей и иголок, затягиваемый в лесную глубь невидимой щупальцей. Гонимый смертью.

– Больше глотку драл, етот ублюдок, – проворчал косматый чёрный воин, водя большим пальцем по лезвию боевого топорика, с вьевшейся в топориче кровью, и вглядываясь в плотную хвойную чащу, – Где мы его ыскать должны тперь? Ну, Асгрим, он точно сюда бжал?

Лучник ответил раздражённым вздохом и продолжил вглядываться в мох и хвойный ковёр, в поисках следов. И да, след был, отменный след – неестественные колеи в еловых хвоинках, ведь правую ногу беглец считай тащит, волочит бесполезным грузом; выше на ветвях самой ели едва заметная кровь, уже успевшая принять ржавый цвет. Лучник пошёл по хвойному оттиску на северо-запад, ведя с собой четверых щитоносцев в таких же очернённых кольчугах. Временами след терялся на пустынном холмике, а где-то уходил в мховый ковёр. А время безжалостно улетало, приводя закат под ручку с тьмой, накрывающей густой лес. Осенний вечер делал воздух меж деревьев ещё прохладнее, освежая тело. Становилось по-осеннему тихо. Лес замолкал, скрывая свои тайны.

Бригада вышла к бурной узенькой реке, пришедшей сюда явно с близлежащих гор. Ещё разгорячённая память отлично помнила и при каждом удобном случае напоминала запаха битвы, особенно выделяющиеся спустя некоторое время,

но свежесть чистой горной реки расслабляла нервы, нежно проходясь пальчиками по каждому сплетению.

– Ну, нет, к бесу етого козла! Пущай чмокнет в зад хёвдинга! Мы не собираемся скакать в етой темени за беляком, он уже реку перешёл, где его тперь искать? Сам сдохнет, – возникал тот же косматый воин, обращаясь к лучнику и собратьям по оружию; смачно сплюнул и вывел ультиматум, – Как желаешь, следопыт, а мы с ребятами воротаемся, яки со всем месяц не забелел.

«Нет, в темноте его уже не выследишь. И верно, один беглый латник со стрелой в ноге не протянет и двух дней в лесу, – думал лучник, вглядываясь в пульсирующую лунным светом черноту меж елей и сосен на противоположном берегу, буквально всасывающую взор наблюдателя, в изрядно посеревшее золото берегового песка.»

– Да, уходим, – наконец, сухо ответил щитоносцам лучник, уже повернувший туловище обратно, но ещё наблюдающий за противоположным берегом – вслушивался и пытался выцепить острым взором хоть что-то.

Каждый шаг отдавался выстрелом изводящей и пульсирующей боли. Человек уже давно перешёл на шустрый шаг, но и это уже не помогало, каждое движение по перерытой корнями земле отдавалось истинной мукой. А вдруг усилившееся давление немногочисленного доспеха он ощущал всем телом. Слюна во рту отдавала металлическим привкусом, неприятно вязала, а глотание оной ещё больше возбуждало дикую жажду.

Он прислушался к окружающим звукам – тихо, ничего. Но так могло быть и потому, что его собственное дыхание заглушало всё вокруг. Согнулся в поясе, опёршись на здоровую ногу. Огляделся: бескрайние беспорядочные ряды сосен, уходящих в космическую даль неба и захватывающих дыхание от своего величия, редкие, но пышущие тёмно-зелёной силой ели, в которые так и хочется нырнуть, почувствовать их объём и чарующий хвойный аромат, а меж этих древ гулял бодрящий едва уловимый ветерок – дыхание леса. Ноги сами собой подкосились, и он припал спиной к сосне, глухо стукнувшись панцирем о ствол. Глаза закрылись. Человека сотрясало мелкой дрожью. Даже доспех, казалось, пылал от жара тела, а сотни метров бегом отдались втрое. Как же хотелось закрыть глаза и не открывать их, пока утренние лучи, заботливо и ласково касаясь глаз, не разбудят.

Он сплюнул густую слюну и стянул кожаные перчатки. *Вдохнул-выдохнул* и разодрал пропитанную кровью штанину чуть выше колена, где как раз торчало уже почерневшее листовидное остриё стрелы. А под штаниной его взору представала рваная рана и русла кровавых рек, которые не пересыхали. Он оскалил верхние зубы, зажав между челюстями нижнюю губу, и поднял лицо к ещё безлунному сумраку неба, ища хоть какой-то помощи в этом безумии или сил, чтобы пережить нелёгкую судьбу, извернуться от колеса Злодейки...

Снова *вдохнул-выдохнул*, схватился за древко снизу и протолкнул стрелу до середины, окропив кулак кровью и рыча сквозь стиснутые до боли зубы. Опёрся на руки, вскинув лицо к темнеющему небу. Повторил ритуал дыхания и схватился за стрелу на этот раз обеими руками. *Вдохнул-выдохнул* и обломил оба конца стрелы, дав вырваться новыми потокам крови...

– А-а! – боль ослепила и окатила тело волной от кончиков пальцев ног до темечка.

«О, Боги... – кристаллики пота легли на лоб, веки стиснуты, – Нет-нет, я не хочу умирать. Не сейчас. Нет. Нет. Я не могу. Не-ет... Боги нет. Как же больно!»

– Ох-х, нет... – Похолодевшими пальцами правой руки он взялся за шейную повязку, не обращая внимания на трение и неистовую дрожь в кистях, – стянул. Медленное, но оглушительное, будто гром, сердцебиение отдавалось ударами в ушах, сотрясая мозг и черепную коробку, прокатыва-

лось по плоти всплесками тепла. Открытый рот мучительно втягивал воздух, а пальцы мотали краснеющую повязку вокруг бедра.

Слезы-близнецы вырвались сквозь зажатые веки, обжигая щеки, а пальцы завязали узел.

8

Быстро-быстро мелькающие серые кадры, будто картинки зоотропа. Пепельные волосы, собранные в добротный пучок вязаной лентой на затылке, концы которой лежали на сильных плечах. Лицо, посыпанное первыми мягкими морщинами старости. Будто вылинявшие голубые глаза и маленькие губки, сияющие в мягкой улыбке. И руки. Такие родные, крепкие, но нежные руки матери, тянущиеся к нему. И беззвучный, но ощущаемый крик, сорвавшийся с губ дитя, нещадно удаляющегося от матери.

Треск веток, прокатившийся с невообразимой громкостью, вырвал его из чуткого и невольного забытья, длившегося, судя по освещению, жалкие минуты. И тут же оно сменилось холодным страхом, смешанным с паникой.

Перевернувшись на колени, он припал к стволу, выглядывая из-за него. Практически не моргающие глаза, смотрящие в некуда; чувства, ушедшие в слух. И надежда, что треск не повторится. Но мерный, ровный треск снова прогремел меж деревьев и повторился ещё дважды, прежде чем человек сорвался с места, схватившись за ветвь ели и перекрасив её, гонимый ужасом.

Он летел меж деревьев, взбегая на холмики, спотыкаясь и снова вставая. Ковылял, переводя дыхание. Лёгкие будто превратились в маятник с широким ходом. Падал, не замечая корней. А когда лунный свет прорвал пелену пепельных туч, понял, что вышел к реке. Грудь сотрясалась от одышки, а тело горело, обливаясь липким, смердящим потом. Полуприсев, как паук, он спустился с земляного вала на берег, тишину которого прорывал лишь шум воды. Медленно, вырывая ноги из рыхлого песка, прошел к воде. Очень шумная, явно достаточно бурная река, в скверно прорисованных месяцем очертаниях. Доверия источник не вызывал, несмотря на близость противоположного берега – не больше десяти

ти метров, подсказывали глаза. И вот опять. Сначала стрела, после погоня, теперь же мутная река – молот всё ближе к наковальне и не ясно, когда он упадёт, точно сокрушив вдребзги.

«В обход и по краю воды, не заметят, – думал человек, полусогнувшись и приложив ладонь к ране».

– У-хух! – клокочущая прибрежная тишина разорвалась совиным вскриком.

Не замечая, что делают собственные ноги, не замечая прошедший мороз по всей поверхности кожи и вставшие дыбом волосы по всему телу, человек устремился в воду, орошая поднимаемыми брызгами грязное сюрко. И лишь холодная вода бурлящей реки остудила рассудок и разгорячённое тело.

Стоя по колено в воде, человек повернул голову и увидел сову. Огромную, сияющую лунной белизной сову, ловко переступающую с ноги на ногу по березовой ветви. Было в этой немаленькой птице что-то успокаивающее, что-то говорило будто о понимании всего происходящего. Редко мерцающие глаза были обращены к нему. Дыхание человека выровнялось, а глаза и на мгновение не отрывались от великолепия совы. Птица смотрела на человека и редко щёлкала клювом. Напряжение на лице человека разгладилось в лёгкую и одурманенную улыбку. Всё вокруг стало будто светлее и ярче. Влага на прибрежной растительности заискрилась изумрудами. И человек пошёл. Пошёл к противополож-

ному берегу, по начатому пути. Лишь на середине он осознал, что делает, разбуженный треском ветвей и бряцаньем висящего на ремнях оружия, и молнией устремился к суше, вырываясь из поднявшейся уже по пояс воды. Выйдя из реки, он рванул вверх по прибрежному валу, практически опустившись на четвереньки. Хватался руками за траву и корни, подтягивая себя вверх. А оказавшись на ровной поверхности, упал на колени и полез в яму под корнями громадной сосны, появившуюся от схода почвы. Ногами вперёд пролез в выемку и лёг животом на холодную почву. Слегка вытянул шею так, чтобы видеть противоположный берег, будучи прикрытым кустами и зарослями тысячелистника. Весь ушёл в слух и зрение. Но долго ждать и не пришлось. Промедли он последние несколько сотен метров и мог снова оказаться под прицелом лука или топора. Преследователи вышли на противоположный вал, не спускаясь на берег, освещённые лунной. Пять воинов в чёрной кольчуге.

Шум реки глушил короткую беседу преследователей, поэтому человек слышал лишь отрывки.

– ...нет, к бесу...! Пущай чмокнет в зад... мы не собираемся... он... перешёл, где его теперь искать? – задал скорее риторический вопрос один из преследователей, явно обращаясь к выделившемуся лучнику и разводя направленными к другому берегу руками, будто показывая огромные просторы, где искать что-то равно поиску иглы в стогу сена; так хорошо сплюнул, что было слышно и затаившемуся за рекой

человеку, – Как желаешь... мы с ребятами воротаемся... не забелел.

– ... уходим, – с явной неохотой ответил лучник спустя несколько секунд, повернулся к воинам, уже успевшим сделать пару шагов. Ещё мгновение постоял на месте, вглядываясь во тьму берега за рекой и не замечая сову, сидящую правее, усиленно следящую за незваными гостями.

Человек видел, как они уходят, но сердце всё ещё громом билось в груди, сотрясая мозг, а взор не отрывался от места их входа во мрак меж деревьев. Но лишь спустя долгие минуты вера в их уход взяла верх, оторвав взгляд от одной точки. Он громко выдохнул и сотрясся в рыдание. Всё его лежащее на земле тело дрожало от бессильных слёз, прорывающихся сквозь прижатые к глазам ладони. А когда пришло успокоение слёзы вокруг век уже пообсохли, а дыхание лишь слегка вздрагивало, но вместе с ним, как хищник из-за куста, навалилась слабость и утомление от погони длиною в часы. Дыхание окончательно выровнялось, в глазах застыла небесная высь, а тело медленно сползло под корни.

Разбудил его незванный гость – жук-носорог, настойчиво ползший вверх по руке. Полубессознательно другой рукой он скинул жука и обеими стал растирать ещё слипающиеся глаза. После, покинув мрачную нору, он оказался под ярким осенним солнцем, весящим высоко в зените среди чистого неба. Глубоко *вдохнул-выдохнул* и попытался встать, держась за ствол сосны. Каждая мышца правой ноги напряглась от неожиданной нагрузки, частота дыхания возросла и, скрипя зубами, он вытянулся, но тут же выстрел боли повалил его на ладони. Колени больно ударились о корни и если бы не наколенники, то он бы их здорово разбил. И не пытаясь встать, морским котиком он пополз к берегу реки, а после пауком по валу и уже на четвереньках по песку дошёл до воды.

В сияющей зеркальной поверхности реки человеку предстало лицо, которое он с трудом узнал: квадратная голова с маленькими ушами, коронованная грязной и окровавленной кудрявой рыжей шевелюрой, со склеившимися от крови прядками, и такой же бородой, и лицом; кожа рассечена чуть выше лба, но рана уже успела запечататься, на шее застыли некогда капельки крови и грязь, от белого цвета в сюрко не осталось ничего и лишь панцирь, и наручи сияли в речном зеркале. И глаза. Огромные зелёные глаза, меж рыжих ресниц. Прильнул к речной глади и стал жадно, и даже немно-

го остервенело, всасывать через губную трубочку холодную воду, пока от чрезмерного количества выпитого ему не стало тошно. *Вдохнул-выдохнул* и, часто-часто дыша из-за горной ледяной воды, принялся отмывать руки, лицо и шевелюру, оставляя в воде поток грязи и крови. Закончив с водой, снял вчерашнюю повязку и, сидя в лучах рассвета и лёгком тумане, ему предстала удручающая картина: рана опухла и покраснела, охватив часть торчащей наружу стрелы, крови же почти не было.

Он уже предвкушал, каково будет вытаскивать оставшуюся в его плоти часть древка. Но отлично понимал, что и оставлять этот чёртов кусок дерева в собственном теле уже больше нельзя. А на каком-то уровне сознания догадывался и понимал, что уже, возможно, даже поздно.

Достав из поножей спрятанный кинжал из обычной, ничем не украшенной, но остро заточенной, как бритва, стали и рукоятью из дерева, повторяющую форму его сжатой ладони, он изрезал сюрко на ленты, насколько было возможно одинаковой ширины. Закончив с подготовкой, взялся за наружную часть древка и потянул. Тело прошибло жгучей болью и жаром, а в глазах засияли звёзды. Сознание будто покидало тело. Руки, правая нога, растянутая на песке, река и лес, видимые боковым зрением – всё это будто становилось дальше, отдалялось и размывалось. А сознание всё глубже уходило в черепную коробку. Как бы позже он не силился, но не мог вспомнить как оказался на животе, с раскрытым

ртом, из которого сочилась мерзко пахнувшая жижа. Теперь же тело пробивало в озноб, а древко не вышло на сколь-нибудь значимую длину. Дрожащими пальцами, выбивающими какой-то нечеловеческий ритм на невидимой лютне, он взялся за кинжал, обхватил древко лезвием с одной стороны, большим пальцем с другой, и со всей силы потянул.

Ничем не закупоренная рана снова закровоточила, а шок и боль сокрушали сознание пульсирующими ударами грома. Мертвецки похолодевшими, но, на удивление, спокойными пальцами, он успел перевязать рану прежде чем солнце стало единственным светлым пятном в мерцающей тьме, которое всё же нещадно темнело, выравниваясь в общий тон.

Очнулся он, судя по солнцу, которое заметно не изменило своего положения на небе, спустя несколько минут, лёжа на спине. Во рту чувствовался отвратный вкус железа и желчи. Голова кружилась, но грозовые тучи покинули виски. Рана пульсировала и нарывала, но не била волнами болезненного жара и не пускала молний по нервным путям. А вовремя не вытащенная полностью стрела сделала своё дело. Рана была отвратная. Не верил он и в то, что заражение его обошло... о-о, нет. Боги не благосклонны к нему сегодня. Боги оставили его наедине со всеми несчастьями.

Он приподнялся и сел, согнув в колене левую ногу, решив не тревожить пока правую. Ему предстояло выбрать куда идти, а идти нужно было, ведь с каждым ежесекундным уколом в ногу – утекало его время, и утекало безжалостно.

Он мог пойти дальше в лес, в надежде выйти к селению, но надежда та была глупа. Ведь лес мог растянуться на десятки километров, а то и сотни. Или, что могло произойти с ещё большей вероятностью – он бы заплутал, да так, что не вышел бы и к Концу Света. А можно было пойти туда, откуда он бежал, но и это была идиотская мысль. В лесах близ поля боя, на следующий день после самой битвы, ещё мог быть арьергард чёрных, и они не стали бы долго с ним разговаривать, приютив на ближайшей ветке. Выбор был очевиден. Отдышавшись, придя в более или менее подходящее состояние для того, чтобы идти, он оглядел берег и нашёл достойную палку для посоха, настолько обглоданную водой и дождём, что любое зеркало позавидует её гладкости. Хрипя и рыча, он встал, опираясь на новый посох. Выбор был очевиден – вдоль течения реки, единственного направления которое могло бы вывести его к людям. Он ушёл в лес, прячась от неприятных встреч на берегу, но держась реки как направления, и пошёл вперёд, опираясь на посох, голодный и разбитый, но с надеждой.

От голода живот уже не просто урчал, он бестактно грозился на самопоедание. Состояние было такое, что человек уже не мог понять от чего ему плохо. Но сосновая чаща не предоставляла ничего съедобного, и, не имея выбора, он просто плёлся вперёд, держась реки по левую руку. Солнце прошло половину пути от зенита до заката. Вроде не так много, но голод, заставляющий от отчаяния выть волком, мучительно растягивал время. Каждая мелочь такая как назойливые москиты, заставляла нервы пылать в бешенстве, а нога, что хладный кусок мяса, заставляла черепную коробку реветь в ярости от невозможности взорваться тысячами багряных ошмётков. Слезы заполняли глаза от беспомощности, от бессилия. Но он шёл, плывя в тёплом осеннем мареве, и, не придавая значения своим действиям, начал петь... тихо, скорее нашёптывая старую солдатскую кричалку, сложенную каким-то старым забулдыгой, мурлыкая сквозь ком в горле:

«Он шёл из далека,
При свете маяка,
Не зная от чего,
Не зная почему,
Но сердце паренька,
Гонимое тоскою,

Гонимое никем,
Ведомое судьбою,
Летело по стезе,
Не ведая куда...»

Безмерная сосновая чаща всё же закончилась, внезапно переходя в пышущую зеленью прогалину. Сбитые корнями сосен ноги будто поплыли, ступая на нежную почву высохшего болота. А среди великого множества трав здесь были: впечатляющие высотой дельфиниум и валериана; едва заметные ветреница и мышиный горошек, но больше всего здесь было клевера, усыпавшего свободную от деревьев почву фиолетово-изумрудным ковром. Именно здесь он и решил сделать привал после долгого пути, никого не стесняясь, упав на самую нежную перину в своей жизни, утонув в аромате последних осенних цветений, забивавшихся в ноздри и рот, раздражая рецепторы своим разнообразием... Но и на этом подарки оазиса не закончились. Нежась в траве, он обнаружил прекрасно знакомые листки мокрицы, без которой не обходилось ни одно застолье в его большой семье, не пропускавшей ни один праздник.

Руки жадно впились в траву, вырывая и выпуская соки. И с ещё большей жадностью и алчностью он стал заталкивать каждый листочек в рот, прижимая ладони к губам, будто боясь, что найдётся храбрец отобрать у него кость. Он рвал и заталкивал мокрицу в рот, едва успевая её прожевать, чем вызывал поток тёмно-зелёного пенящегося сока, текущего

по губам и бороде и, в конце концов, капающего на панцирь. И, лишь утолив жажду после столь желанной трапезы и взяв небольшое количество мокрицы про запас, человек отправился вперёд. Но, без доли сомнений, каждый шаг давался легче чем, любой такой же до привала.

Всё так же держась реки по левую руку, он шёл и шёл, перекатываясь по холмистому прибрежному валу, наблюдая за кричащей осенними красками природой, за заросшими камышом и ивой берегами, наблюдал то за необъятно расширяющимися водами реки, то сужающимися до размера маленького ручейка и галопирующими снова и снова. Он наблюдал за тем, как стайка воробьёв пронеслась в каких-то жалких миллиметрах от водной глади, вышибая дух из, вероятно, заспавшейся в тяжёлом оранжевом вечернем сумраке стрекозы. Позже, в этом же сумраке, он наблюдал, как по воде и берегу, нежно переливаясь в лес, расходится плотный серый непроглядный туман, но нос не даёт обмануть себя, а туман на поверку оказывается дымом.

Он упредил дурную мысль о том, что он заплутал и начал ходить кругами, вернувшись на поле боя, где гореть могли лишь его собратья и враги. Нет, он явно шёл вперёд, хоть и с трудом. Дым могли напустить селяне, сжигая поля после сбора урожая, коим он был бы только рад. И эта мысль даже подняла дух человека, заставив упорнее передвигать посохом. Но пришла и другая – черная и обезнадёживающая. Тогда он терял всякую надежду. Но и сдаться он не мог, про-

сто не мог. Он помнил ту мысль, кольнувшую его стыдом, когда он хотел остановиться и ждать смерти от рук всадника. И больше человек не мог вынести такого укола от собственного сознания и совести. И поэтому шёл, пробиваясь через дым, теперь уже достигавший высоты верхушек берёз, прикрывая нос остатками импровизированного бинта.

Сердце упало в желудок, когда он увидел остов некогда моста, соединяющего деревушку на левом с правым берегом, а на нём половину тела, явно пригвождённую тремя стрелами через ноги, вторая же половина, с головой, была в воде, иногда выталкиваемая из неё из-за пружинящего позвоночника. От моста бы ничего не осталось, если бы его опоры вовремя не догорели, уронив его в воду. Именно по нему и перебрался человек, держась также за остатки обуглившихся перил, засунув посох за пояс на спине, и даже пару раз чуть не присоединялся к тому вечному стражу, теряя остатки моста под водой, чему способствовал и стелящийся по воде плотный дым, ловко выгибаясь назад из-за смещённого панцирем центра тяжести и из-за ноги, вдруг разгоревшейся ещё большей болью после того как стопа скользнула в дыру меж досок и столь же неловко вырвалась из оков. Наконец, оказавшись с горем пополам на противоположном берегу, человеку предстала ещё более печальная картина. Нет, слово печальная – это тушить водой из ведра полыхающую адским пламенем избу. Нет, картина предстала душераздирающая, до того чудовищная, что поверить в то, что боги мо-

гут допускать такое... вряд ли возможно. Разве могут могущественнейшие и справедливейшие божества допускать такие ужасные свершения, от которых кровь в жилах перестаёт течь, всё нутро выворачивает, чтобы хоть как-то очиститься от увиденного.

Нежданный ветер, после целого дня полнейшего штиля, раздул серую, даже скорее аспидную мглу дыма, представив человеку картину: в кровавом закате остовы небольшой деревушки на пару десятков домов. От некогда процветающей стройной деревни остались лишь обгоревшие брёвна, но в большинстве случаев оставалась лишь полуразвалившаяся печь и больше ничего, даже плетёный из веток забор и тот сгорал от разбушевавшегося пламени, прошедшего кроважидным маршем по сухой осенней траве, не говоря уже о сарайках и хлевах для скотины, о не завидной судьбе которой не хотелось бы даже думать. А поселенцы... тот что был «пришит» к мосту был лишь первым среди десятков, но здесь явно были не все, кто-то точно выжил, но вряд ли они утешатся, узнав свою грядущую судьбу.

Вцепившись обеими дрожащими крупной дробью руками в посох, он поднялся по деревянным ступеням, вбитым в землю, где обнаружил лежащим на этих же ступенях лицом, судя по телосложению и росту, ещё совсем мальчугана со стрелой в спине. От моста и ступеней в деревню вела удивительная дорожка, выложенная вдоль сосновыми дощечками. Поселенцы вели на реке рыбный промысел и постоян-

ный, независимый от стихии путь был необходим всегда, тем более, что река была вообще жизнеобразующей. Если бы не крутой и холмистый правый берег, то вполне вероятно селяне заняли бы оба берега. На середине дорожки он обнаружил очередной труп, напоминавший страшное подобие паука из безумного кровавого месива с рёбрами наружу, лежащего, в собранных собственным телом, дощечках. Над этим произведением искусства Смерти постарался мастер-всадник, используя в качестве кистей копыта собственного жеребца. Позже поселенцы не попадались до самого входа вовнутрь деревушки, который пролегал меж двух тесно прижатых домиков, теперь же жалких обугленных печных труб и навевающего тоску простора, заваленного углями. Первый лежал лицом в землю, в паре шагов левее от дорожки, головой к реке по диагонали, с ровной расщелиной от затылка до лопаток, с руками, закинутыми за голову после падения. Второй лежал ровно на дорожке, ноги заплетены – бежал, после попадания стрелы меж лопаток, теперь же торчащей из груди, запнулся и в процессе падения перевернулся на спину; глаза же полуприкрыты, рот разинут, а губы, подбородок и щеки в легочной нежно-розовой крови. Третий же встречал гостя у границы сгоревших дворов выпученными в каком-то сумасшедшем удивление глазами, вылезавшими из орбит и порядком побелевшими, и остекленевшими, голова набок, рот раскрыт, язык наружу, грудь привратника была замечательно прошита парой белопёрых стрел к широкому стволу

берёзки, растущей близ сгоревшего забора, отчего пообгорели и почернели низко свесившиеся ветви, а серое полотно шерстяной рубахи в высохшей крови по пояс. И он до сих пор сохранял свою твердую стойку. Четвёртый лежал на выходе из обхватывающих по бокам дворов, поначалу человеку было не понятно, что заставило поселенца лечь, но позже он увидел причину: из ровненько обрезанного черепа слегка выглядывает желтовато-розовая улитка, верхушка которой была в чёрной кровавой корочке, вокруг самой головы же небольшое пятно, так же уже запёкшейся на дощечках крови. Именно здесь и не выдержали нервы человека, вызвав поток зелёной рвотной массы, едва не на тулово трупа.

Приведя гостя внутрь деревни, дорожка не заканчивалась – круто разветвлялась и шла ко всем дворам и по всему поселению. Справившись с рвотными позывами, человек решил несколько углубиться, изучить поселение. Дальнейшие же описание увиденных человеком остатков от поселенцев не имеет смысла, ведь их было много, здесь были старики и взрослые, и совсем дети, они были везде и в различных позах, с множеством ужасающих ран, но ещё не тронутые вороньём, ибо погибли совсем недавно, о чём говорили и раны, и ещё играющий местами огонь, не говоря о дыме.

В деревушке не было ни одной живой души, ни одной ободранной кошки, ни одной бродячей собаки, кои были обычны в местах скопища людей. Скот же, скорее всего, увели, здесь его точно не было, ни в каком виде. Человек медленно

продвигался по деревне, дрожа перебирая посохом. Рвотные позывы ещё раз три подплывали комом в горло, но после первого раза во рту остался желчно-травяной вкус, а в желудке ничего, что могло бы снова выйти. Сознание, наглядевшись на окружающие пейзажи, было как в тумане, оно отказывалось воспринимать всё то, что было под ногами, все эти невинные забавы Смерти, сводящие с ума. Да, если кто-то и существовал сравнимый с человеком по разумности, но всемогущий аки Бог, то это Смерть. Доказательства её существования были налицо, человек видел их прямо сейчас, он чувствовал их гниющий запах, настырно пробивающийся в ноздри, а его разум вёл с ними борьбу, которая сотрёт воспоминания об увиденном. Только Смерть – ничего больше не существовало. Она существует и будет существовать, будет тешить себя своими забавами, которые по вкусу лишь ей, будет создавать свои необыкновенные произведения искусства, не переставая удивлять пытливым человеческий ум.

Человек передвигался, но наблюдаемая картина перестала им восприниматься, погрузившись в туман, подобный тому дыму, дрожь прекратилась, пульсирующая боль в ноге перестала чувствоваться, он взялся за посох одной рукой, а обсохшие уста раскрылись, втягивая воздух, чтобы не ощущать носом ароматов, навязчиво кружащих рядом. И было удивительно тихо, будто с этой деревней умер и весь окружающий мир, даже потоки ветра прижались к земле и стихли. Он бы так и плыл в бессознательном потоке, если бы не удивитель-

ное явление среди всей однообразности картины. Борьба за жизнь. Жизнь, живущая плодами труда Смерти. Он не помнил, как оказался перед ними, но коричневато-серые волки, ещё совсем переярки, были увлечены обглаживанием пары трупов, поэтому абсолютно не заметили и не обратили никакого внимания на живого представителя людей. Внезапные уколы страха привели человека в панику, внутри похолодело. Он понимал, что бежать не стоит – медленно идти, тихо переступать с ноги на ногу. Но у него не вышло в сознательном состоянии повернуть то, что он совершил бессознательно. Паническое состояние сделало его движения равными и чересчур быстрыми, поэтому, не рассчитав силу, он громко стукнул по сосновым дощечкам, оказавшимся так не к случаю под его ногами.

Тупой звук удара о дерево заставил повернуться узкие морды волков в рубиновом оскале. Укол паники прошиб всё тело человека, а боль в ноге так неожиданно напомнила о себе, что слёзы выступили на глазах горячей росой. Пять пар волчьих глаз взирали на человека с каким-то почти людским интересом. Одна из тварей, ровно посередине между собратями, смотрела на человека с неподдельным интересом. Волк задёргал носом вверх, яро принюхиваясь, пытаясь уловить запах нежданного гостя и свидетеля их интимной трапезы, их пышного пира, так любезно предложенного всё теми же людьми. Пять пар жёлтых и серых глаз не отрываясь смотрели в глаза человека, ни на секунду, не отпуская нару-

шителя покоя. Их взгляды вгрызались в самую глубь его рас-судка, не позволяя страху покинуть его измотанный разум.

Самый крайний справа волк начал низко рычать, издавая грозные клокочущие, даже скорее мурлыкающие звуки, не предвещающие ничего хорошего. Зубы животного заблестали кроваво-белыми красками, иногда исчезая за губами.

Страх и паника, ужас и боязнь неожиданного. Бьющаяся боль в ноге, уже успевшая вогнать человека в жар, но несмотря на это, он был светлее неба.

Не испуская ни единого звука и лишь оскалив зубы, тварь ровно посередине сделала первый шаг на встречу. Собратья поддержали намерение лидера: их морды низкого склонились, а будто стреляющие самим ужасом глаза взирали на человека исподлобья. Вожак сделал второй шаг.

Взявшись двумя руками за конец посоха уже вспотевшими ладонями, человек выставил посох вперёд, будто копьё. Быстрые три шага, первые после столь долгого ожидания. Тяжёлое, сбитое, глубокое дыхание. И только сейчас он заметил, что в глазах тварей чёрно-оранжевый закат, отражавшийся в их зрачках рубиновым оттенком.

Волк, что посередине, также опустил морду к земле. Передняя лапа слегка подёргивалась, оставляя борозды от когтей на мягкой почве. Снова шаг. Рычащие, уже гавкающие звуки, сопровождающиеся клацаньем зубов и щёлканьем мокрого языка о зубы.

Глаза человека безостановочно перемещались от волка к

волку. Ноги судорожно вслепую пытались нащупать ход к отступлению.

Твари пошли вслед за вожаком, оцетинившись шерстью и клыками.

– Ар-р! – зарычал человек, дергая посохом из стороны в сторону и колотя ею по дощечкам, чтобы напугать наступающих животных. Он рычал словно медведь и колотил со всей силы, какая могла быть от страха и паники перед неминуемой смертью.

– Нет! – грохотал человек, будто пытаясь от чего-то откатиться, но кто скажет от чего, – Нет! Не-ет, Боги!

Услышав воинственный рёв и видя готовую пойти в ход палку, волки остановились, но угрожающего рычания не прекратили, шерсть на их загривках только стала объёмнее. Кровь должна пролиться и будет пролита. Зубы щелкали, словно ножи мясника, готовящегося приняться за добротную тушку. Жертву не взять с наскока. Но за громом всегда следует гроза и удары неистовой силы...

Он отходил всё дальше, метр за метром с каждым шагом, с каждым ударом бешено бьющегося сердца. А они всё так и стояли на месте, не решаясь напасть. А человек шёл, неловко переступая. Боковым зрением он замечал, как проходят один за одним черные остовы – дворы, но различить их уже не было возможности, потому как постройки в глубине поселения пострадали сильнее всего. Волки не пошли вслед за ним. Их спины распрямились, и они уже скорее просто про-

вожали взглядами неудавшуюся жертву. И даже не сдвинулись с места, когда человек запнулся о некогда селянина, лежащего лицом вниз, и распластался на сосновой дорожке в засохшей крови.

Ногами он лежал на чьём-то трупe, но не позволяя себе расслабляться, тут же подскочил, опираясь на посох и ковыляя, легко побежал, но бег этот напоминал скорее прыжки или подбрасывание снаряда катапульты, где в роли рычага была старая обглоданная течением палка. Но паника и страх гнали его вперёд, а вкачанный в вены в неистовых количествах адреналин уже не позволял чувствовать страшную рану в ноге. И ни разу его взгляд не ушёл за спину. Яростное и даже в какой-то мере брезгливое желание покинуть это место жизни людей обуяло его и придало сил. И лишь оставив между собой и поселением порядочное расстояние он остановился, нет, даже скорее упал. Он упал на колени и тут же рухнул в буйно растущий бурьян, в коем преобладала осока и пушица. Он сжался в позу эмбриона, засунув руки под колени, а грудь его сотряслась от беспорядочного дыхания.

– А-а! – вместе с криком его покинула и надежда на спасение и помощь.

Тело человека бросало то в жар, то в холод. Сознание пыталось скрыться, спрятаться, уйти поглубже от реальности. Он не знал куда теперь идти и что делать, но и думать об этом не было сил. Энергия оставила его тело. Дыхание пришло в норму. Глаза приобрели ту же отречённость, что глаза «при-

вратника», встретившего его у входа в селение. Чёрные точки зрачков упали на отцветшую ромашку и больше не двигались. В тело пробралось прохладное чувство спокойствия, веки сомкнулись, оставив ещё безлунный мрак ночи, черную мглу прибрежных чащ, берёзы и тополя, ивы и заросли камыша.

Кто помог ему сбежать от тварей, готовых его зарезать без всяких зазрений совести? Старуха Фортуна? Может призванные боги? А может собственная сумасшедшая ярость, смешанная с паникой и страхом смерти в ещё более гремучий коктейль? Об этом человек уже не будет думать. Он погрузился в сонные грёзы. Его руки иногда подрагивали, а мышцы правой ноги ещё в течение всей ночи играли под кожей будто струны. Прозрачная, как стекло, струйка слюны стекла на бороду и в ней и осталась. Он утонул во сне.

Слепящие белизной лучи солнца ударили в глаза, пробиваясь меж ветвей берёзы, нависших плотными вениками над человеком. Чувство счастья и лёгкости играло в груди, практически ощущаясь на кончике языка. Дышать было так легко, а воздух, наполняющий лёгкие, был прохладен и девственно чист. Веки человека были закрыты – он наслаждался, вкушал, жил. Под головой ощущалась приятная грубость берёзовой коры, а ладонями и ягодицами он ощущал пушистую мягкость сена. Он слышал приятный жужжащий шум жизни, кружащей над ухом.

– Нет! Прошу! – высокие визжащие слова вырвали его сознание из блаженствующего состояния, а прохлада в груди уступила тяжёлому колющему страху.

– Нет! – всё так же натужно кричал голос, – Они ещё совсем юны!

Человек открыл глаза.

Кто это? Женщина в сером свободном платье. Крепкие черты лица. Морщинки, которые говорили о том, что она уже в средних летах. Соломенные волосы распущены и спутаны. А лицо искажает безумие.

Укол боли прошивает черепную коробку, сдавливает лёгкие. Каким-то чудом он не сжимается в комок, подобно ежу от страха. Какая-то мысль, что-то пытается выйти, но не мо-

жет. Человек раскрывает рот в беззвучном крике, зубы так сжаты, что должны трещать. Он что-то знает, но... но...

– Указ ярла! Все крестьянские отпрыски ото семнадцати и мужи собираются на сечу с чёрными!

Человек, скрепя сердце, сквозь боль поднял глаза вслед за кричащим мужским голосом. Его взору предстал чурбан на вороном коне с чёрной бородой по грудь, тело его было заковано в кожаные латы с редкими стальными колечками, плечи закрывали толстые наплечники из кожи, на поясе, слева, поигрывает меч, так и желающий выскочить с рукой всадника, а на голове серый шерстяной капюшон, лицо грубо сбито, нижняя челюсть выступает вперёд, что способствует выделению брызжущей во все стороны слюны из его уст при разговоре, а сейчас она так и летела, переливаясь солнечными зайчиками в полёте.

– Прочь баба! – отталкивал он женщину, всё никак не отстающую от его ноги, – Не твоиво умишка работёнка! Мужички, выводи по одному!

– Оставьте сынов! Возьмите Атли! Оставьте сынов! – её руки хватались за ноги и пояс всадника, моля о пощаде, но посланец воли господина не выдержал и ударил правой ногой женщину в грудь. Из её уст вырвался сдавленный вскрик, она упала и сжалась, и было лишь слышно, как она, кряхтя и скрипя, будто несмазанная дверь, пытается втянуть воздух в лёгкие, пылающие жаром.

– Наконец! – вскрикнул всадник, впиваясь взглядом в вы-

ходящих из избы людей.

Из дверей показался крепко сбитый мужчина, среднего роста, голова его усеяна рыжей шевелюрой, как и щеки рыжей бородой, но на лбу, ровно над левым глазом, краснеет набухающая шишка, на теле белая свободная рубаха, неуверенный шаг. За ним выходят двое с копьями, в стальных колпаках и таких же, как и у всадника кожаных доспехах. Конвоиры держат мужчину за локти вывернутых назад рук. Вслед за ними из дверей вылетают один за одним двое юношей, падая на колени. Щеки одного усеяны лёгким пухом цвета соломы, второй младше, но его волосы так и пылают рыжим, на носу веснушки, лица их похожи, тела сложены также добротнo, как и у отца. За братьями из дверей протиснулись, практически враз, трое молодчиков в белых сюрко, с белыми щитами и боевыми топорами в руках. Секундой позже из дверей вылетели три маленьких девчушки, одна чуть старше другой. Их головы отдавали соломенно-рыжим. Мышками они проскользнули меж мужчин сразу к матери, обнимая и прижимаясь к ней, плача и взывая к ней.

Новый удар боли прошиб голову. Всё расплылось и затуманилось, на глаза будто лили воду. Дышать он не мог, как и кричать от кошмарной боли. Но он вспомнил. Вспомнил... То была его мать. То была его семья.

Глава третья

1

Проснулся он потому что тело его сотрясалось судорогой и, возможно, потому что близко, почти над ухом, сквозь сон он услышал мычащий звук, за которым последовало встревоженное блеяние. Его только раскрытым глазам представало раннее утро: солнце едва выглядывало из-за крон берёз и тополей, а солнечные лучики редко прошивали слегка затуманенные просторы берега, река жизнерадостно журчала, нежась с туманом, касающимся водной глади; меж трав и деревьев гулял лёгкий, ненавязчивый, прохладный, уже совсем осенний ветерок, нежно колыша рыжие кудри человека.

Но трепещущая жизнью картина была смазана пробивающей все тело дрожью, его одежды были влажны то ли от выпавшей всюду росы, то ли от полыхания собственной плоти. Во рту было сухо, губы напоминали почву пустыни – потрескавшаяся кожа неприятно натягивается при любом движении. Где-то в паху kloкотало чувство голода, которое и заставило его резко подняться на вытянутых руках. Но такое внезапное изменение положения не понравилось его мозгу, вдруг зажужжавшему роем пчёл, и подкативший ком к горлу тут же вышел желчью, кроме которой в желудке не бы-

ло ничего. По панцирю тягуче стекала дурно пахнувшая полупрозрачная жижа с вкраплениями крови. Теперь к сухости во рту прибавился и вкус желудочного сока. Мысли спутанно гуляли по голове. Он перевернулся на четвереньки и пополз на звук реки; жижа на панцире, растягиваясь, закапала по траве. Он аккуратно полз в прибрежных зарослях, ужалил пару раз ладонь мелкой крапивой, но предал этому мало значения. Его сотрясало дрожью и снова мучал голод. Радовало, то что, хотя бы боль в ноге не кружит над ухом настырной мухой. По пологому берегу он спустился к низинке, где вода была на одном уровне с землей, усыпанной гладкой галькой. Вытянулся на животе, заодно вычищая панцирь от плодов пробуждения, скрипя камушками о сталь панциря. Легко, будто касаясь нежной кожи любимой, чтобы не поднять муть, он опустил ладони на дно. Губы его сложились трубочкой и, будто в поцелуе, он коснулся поверхности реки и принялся жадно всасывать воды, жутко громко причмокивая. Вода была ледяной, по-настоящему горной. Глянь куда-угодно, и ты увидишь, что покоится на дне протоки. Очень и очень долго он втягивал живительную влагу в его пустой живот, пока тот пружинисто не врезался в твёрдость панциря. Напившись, он упал на спину и гулко выдохнул.

Нужно было взглянуть на рану. Но скользкий страх, пробежавший мурашками по коже, отбивал всякую волю к этому. Разве мог он взглянуть в глаза рока, на то, от чего он убежать не смог, на то, с чем не смог справиться? Разве мог он

взглянуть в глаза самой смерти, к которой он не был готов! Нет-нет! Он слишком молод, да это же невозможно! Он так молод... А Старуха уже всё ближе и ближе – он едва чувствует ногу... Да, она сгибается и разгибается, он вполне удачно дополз до берега и даже не почувствовал никакой, чёртовой, боли! Но человек боялся. Нет же!.. Не просто боялся – его ужасала сама возможность увидеть то, что под его неловкой перевязкой. От этого ужаса он уже покрылся испариной, а подмышками выступили тёмные пятна. Да и какой уже смысл? Что он мог изменить, взглянув на эту чёртову дыру?! Ничего... теперь ничего, надежда осталась там... в глазах «привратника» и тех тварей...

Он всё же вытянул кинжал и остатки самодельного бинта из-за пояса. Ополоснул кинжал, вытер о выглядывающий из-под панциря белый, теперь уже желтоватый, поддоспешник. *Вдохнул-выдохнул, вдохнул-выдохнул, вдохнул-выдохнул.* Сознание успокоилось, пусть тело всё также потряхивало. Кинжалом он перерезал верхний слой перевязки и стал аккуратно разматывать, но остановился прежде чем совсем снять. Страх перед тем, что он может увидеть колот и морозил до кончиков пальцев. И прежде чем снять, он решил прощупать область вокруг раны. Бедро едва чувствовало давление собственных пальцев, настойчиво давящих. Но чем больше он тыкал в собственное бедро, тем меньше ему хотелось снимать повязку...

– Боги! – он снял повязку. Ранение выглядела ужасно...

рана страшно распухла, а дыра в месте выхода стрелы была прикрыта бело-рубиновой корочкой. Кожа вокруг ярко-жёлто-красного оттенка. С обратной стороны бедра ситуация едва ли различалась... В панике он снял сапог, за ним шерстяной носок и задрал штанину... Вся нога была покрыта красноватыми пятнами разных форм и размеров...

– Боги!.. Мама... Не-ет... Я не хочу... – он упал на спину, слезы горячими потоками стали стекать на уши и капать на гальку, – Нет! Нет! Нет!.. Не хочу... Я боюсь... Нет.

А небо так и сияло сквозь солёную пелену, расплываясь в удивительных фигурах. Солнце поднималось всё выше, заставляя весь мир снова заиграть красками жизни. Где-то раздавался настырный стук дятла, жужжали насекомые, шумела река, шуршали листья и ветви деревьев, низко склонённых над потоками воды.

Он поднял тело одними лишь мышцами живота. И приложил большие пальцы к ране... У него нет выбора, а так он может хотя бы как-то отсрочить этот неизбежный момент... момент, когда он сторит. *Вдохнул-выдохнул.* Стиснул зубы. Пальцы стали сдавливать рану и сначала ничего не произошло – большие пальцы соскользнули и ударились друг о друга. Он обхватил бедро свободными пальцами снизу, а большими надавил на края раны и повёл к середине, теперь же долго ждать не пришлось – корочка треснула и из трещины прыснул белёсо-желтоватый гной, тут же перебивший кислой вонью свежесть ветра. Дрянь выходила долго, марая спе-

циально отрезанный для промокания кусочек бинта. Боли не было, лишь некоторое раздражение, легкое чувство давления. Закончив с обеих сторон дыры, он перевязал рану оставшимся бинтом и отправился к реке мыть руки и пить, после вернул носок на ступню и натянул сапог. Но прежде чем уйти с берега решил осмотреться весь...

Стоя на коленях, развязал кожаные завязки на правом боку панциря и снял как ракушку, снял серо-стальные наручи и желтоватый поддоспешник, оставшись в такой же, как и поддоспешник, желтоватой рубахе. Приподнял её край, оголив белый торс с редкими рыжими волосинками вокруг пупка, развязал завязки портов и приспустил...

– Боги!.. – человека бросало то в жар, то в холод – красный пятна уже переходили на пах и на таз. От ужаса хотелось выть волком.

Он присел, подогнув колени. Взор ушёл в даль течения реки, в горящие изумрудами берега. Ему жутко повезло найти это поселение, но понять, что надежды ложны нужно было ещё тогда, в том плотному дыму, стелящемся по поверхности реки. Но как он мог просто сдать? Не мог, да и выбора не было. Но теперь, когда нет надежды, выбор вдруг появился, скудный, такой, какого и врагу не пожелаешь. Идти дальше, держась реки, как и вчера, или остаться и сдохнуть здесь, близ деревни, ставшей могильником для десятков душ? А может пойти на восток, куда ушли разорители деревни и, вероятно, враги? Всё же пасть от меча врага, спу-

стя столько битв, пронёсшись на острие атаки, в самом начале авангарда. Может такая смерть будет лучше, – пасть как старший брат и отец... чем от выжирающей изнутри лихорадки и заражения?

2

Человек вернулся на место, где вчера его сразил сон. Трава уже выпрямилась, будто его и не было здесь никогда. Солнце уже окрасило весь берег в пыльно-белые и жёлтые краски редкими лучами, которых при удаче можно было коснуться. И он увидел тех, кто его разбудил – весь берег был усеян серыми и черными шерстяными шариками – овцами и козами; широкими и статными, бурыми и чёрными фигурами коров. Человек обвёл всё стадо взглядом, но так и не нашёл пастуха, и вывод напрашивался сам собой – животные принадлежали поселенцам, и, возможно, когда пришла нелёгкая, стадо было на пастбищах, у разорителей не было времени на поиски, ну, а после животные по старой памяти вернулись к поселению. А может, разорителям и вовсе не нужны были припасы...

Животных было по меньшей мере сотня голов. Они равномерно распределились по небольшому участку берега и ещё отдыхали, но были среди них ещё совсем телята и ягнята, вот они-то и нарушали всеобщее спокойствие своими встревоженными голосами, всегда стремящимися поглотить всё внимание родителя, они-то и создавали хаотичное движение в этой медленной и устойчивой картине. Но как только человек в полный рост приблизился к месту ночлега, животные тут же повскакивали и рысцой пошли прочь от него.

Он поднял свой, уже привычный и даже ставший удобным, посох. В теле всё ещё присутствовало недомогание, легкая дрожь, но гладкая палка в руке привнесла какой-то уверенности, а стоять на собственных ногах стало вдруг гораздо легче.

Главной трудностью, которая заставляла сознание порой носиться по черепной коробке в безумном вихре, был голод. Поражённую заразой ногу можно было бы ещё отрезать, а стремящееся захватить всё тело заражение – остановить, нашлись бы лекари способные на это. Но от голода было невозможно избавиться, пока не дашь ему чего желает. Пока человек был занят раной, голод спрятался, затаился в кустах и на ветках деревьев, но как только он отвлёкся – он тут же выскочил и схватил человека в свои огромные тески, заключил в объятия своего склизкого змеиного тела. Да, сознание оказалось поглощено голодом. Человек оглядывал берег в поисках съестного, хотя бы той же мокрицы, но ничего не было на первый взгляд, пока в каком-то тёмном уголке разума не щёлкнуло – весь берег был усеян ничейной здоровой скотиной – бери да ешь!

Да только не было у него ничего, что помогло бы сохранить такое количество пищи: ни соли, чтобы сушить мясо, ни специй, чтобы его вялить, ни даже возможности развести огонь, чтобы зажарить его. Как бы голод не путал мысли и не разъярял сознание, но убить просто так человек не мог. Да, такое количество пищи позволило бы ему без остановок

идти и идти, помогло бы его разбитому телу сопротивляться заразе, которая неумолимо поднимается по ноге, медленно и мучительно отбирает у него жизнь – будто мороз сковывает реку льдом, однако... весны человек не дожждётся. А животное погибнет не за что.

«Не на восток, – думал человек, тяжело и горячо дыша в прижатый к губам кулак, – Если это чёрные, лишь бросив взгляд на меня – выпустят кишки... Если разбойничья шваль, то и ничуть не лучше... но и дальше идти нельзя... а эта деревушка – страшная удача.»

Взгляд его был пуст, глаза одиноко и отрешённо гуляли по прибрежному пейзажу, а разум где-то глубоко, в потаённых уголках черепа, куда никто не доберётся, ни под какими пытками. Солнце нежно грело затылок, небо затягивали серо-белые облака...

Человек понимал, что это поселение могло быть, как единственным среди этих огромных просторов, среди безмерных лесов и полей, так и одним из множества тех, которые разорили или разоряют сейчас. Куда бы он ни пошёл – он рискует. И постоянно – жизнью. Он остался один и ни люди, ни боги – никто не поможет ему. Никто не увидит его слёз, стёкших по щекам огромными алмазами, осушившими источник раз и навсегда.

Грубыми движениями он стёр с щёк влагу и пошёл. Он не остановится, а будет идти. Идти, какое-то время держась реки, чтобы как-то обойти и переждать возможную опасность,

а после повернёт на северо-восток, потому как если и есть где люди, то они на востоке, куда ушёл разоритель встреченной ранее деревни.

Переходить на правый берег он не решился, потому что позднее мог бы и не суметь вернуться на левый – горная местность изобилует различными речушками, которые постоянно играючи втекают друг в друга и образуют огромные дикие реки, перейти которые не будет возможности. Горные реки – это малые дети, чьи игры не поймёт ни один разум.

Человек прошёл сквозь животных, которые тут же растеклись от него, будто капля дождя по стеклу, обошёл заросли кустов ивы, которые будто пытались закрыть реку, скрыть от чужого взора. Посох часто втыкался в мягкую почву под весом человека и вырывался обратно с хлопком, оставляя после себя небольшую ямку. Утро, далёкое ещё от полудня, оказалось погребено под белесо-ртутными облаками, сквозь которые пробивался такой же тяжёлый свет, будто серый. Ветер всё громче гулял меж деревьев, заставляя их суматошно качаться, а оставшиеся, казалось бы, уже далеко, животные все как один стали кричать, погружая мир в противную шумную какофонию, слышно которую было, пожалуй, и в селе, до которого не меньше сотни колёс. Слышал её и человек, который успел уже покрыть расстояние до села пару раз. Но, несмотря на то, что весь мир будто пытался спрятаться по норам, – человеку эти изменения были даже приятны. Пышущий влагой поток воздуха облегчал его натужное

дыхание, охлаждал горячее и липкое тело, а идти близ реки, ставшей цвета карбонадо, становилось всё легче – массы ледяного воздуха, пахнущего песком, тиной, прелыми растениями, свежевыволовленной рыбой, поднятые ветром с реки, также охватывали фигуру и толкали в спину, будто парус. Ветер шёл вместе с человеком, оставляя след не хуже людского, прижимая травы и даже стволы деревьев, вызывая при этом какой-то безумный вой и шуршание растений, от которого у человека волосы вставали дыбом на затылке и даже на пальцах. Огромная масса свежего воздуха заставляла глотать его с алчной жадностью, до головокружения, до слезящихся глаз, до зевоты с раскрытым во всю широту ртом, вызванной также и от голода.

Но и здесь помог новый бестелесный друг, который своими огромными шагами раздвинул заросли прибрежных трав: крапивы и пырея, осота и горичвета высотой до пояса; показал человеку настоящее сокровище с огромными, будто ухо слона, листьями и фиолетово-зелёными цветочками-шишками, торчащими над листьями на расстояние кисти, которое было бы трудно отыскать среди трав-гигантов.

Человек медленно опустился на колени, держась за посох и засмеялся. Чисто и непринуждённо. Губы растянулись в чуть заметной улыбке. На мгновение глаза устремились куда-то в даль, в затемнённые берега и рощи, куда человеку ещё предстояло прийти. Но видел он не раскинувшиеся над рекой страшные ветви-руки, пытающиеся захватить её, за-

брать, и спрятать в своих объятиях... нет...

Он видел своего старшего брата, ещё маленького – лет восьми-семи, с вихром соломенных волос, переливающихся от ветра с боку на бок, босого, в отцовской белой рубашке, достающей ему пока что аж до колен. А рядом он сам – маленький рыжий гномик, как называла его мать, держит брата за руку. Он смотрит в лицо брата, с неподдельным интересом, тот что-то жуёт, а после протягивает младшему нечто продолговатое белое с фиолетовыми вкраплениями. Младший брат кусает, секунду жуёт, а после его лицо сияет искренним удивлением... Мимолётное видение, пусть и, человек мог поклясться, столь реалистичное, что живое – они будто стояли на расстояние нескольких шагов, совсем рядом. И всё же оно развеялось туманом. Он глубоко *вдохнул-выдохнул*, сознание успокоилось, пусть нервы ещё и вибрировали.

Его рука опустились под листья. Земля была холодной, чуть влажноватой. Пальцы обжали ствол лопуха, и правая рука потянула вверх. Но растение так просто не поддалось, пришлось подключить и левую, и дёргать лопух из стороны в сторону. Ещё небольшое, растение крепко засело в земле, корни зацепились почище пса за штанину. Человек достал из-за пояса кинжал и принялся аккуратно, чтобы не обрезать случайно, откапывать корни. Хватило минуты, а после, обтерев кинжал о штанину, он дёрнул лопух на себя. Растение неожиданно резко вышло, – человек не рассчитал силу, он повалился на спину, но в руках были те самые корни. Пан-

цирь в кусках земли, досталось немного и лицу, руки были чёрными, а слюнки текли, что ручьи. Он спустился по обрыву к реке, чуть не упав в воду. Омыл корни, почистил кинжалом, срезая тонкий, практически с ноготь толщиной, наружный слой и верхние ветви листьев, и тут же откусил. Рот заполнил сладковатый сок и волокнистая мякоть, которая чем-то напоминала картофель. Он ел жадно, откусывая много и быстро прожёвывая. В животе заурчало, но голод отступил, отправился в берлогу – спать. Без голода и дышать, и мыслить стало легче, пусть после ранения его постоянным спутником всё же было чувство разбитости, какого-то постоянного головокружения и недомогания, жара, подступающего из ниоткуда, тут же бросающего его в ледяной пот. Да, он был определённно не здоров, не чувствовал нормально ногу. Но без голода было гораздо легче, будто всех бесов выпустили из тела. Теперь то он заметил, что он окружён мириадами небольших гор, великих холмов, растекающихся в равнины, по которым щеголяли реки и речушки, ручьи и ручейки, а также били из самих недр родники с чистойшей морозной водой.

Спуститься было не ложно, в любом случае, скатился бы, но теперь ему приходилось, будто скалолазу, втыкать посох в рыхлую почву обрыва, подтягивать раненую ногу, а только после уже всё тело. Картина была наибредовейшая – страшная тренога, сверкая сталью, взбирается по крутому обрыву. Преодолев обрыв, страшно пыхтя, он тут же присел и упал на

спину, раскинув руки. Ещё долго он пытался избавиться от отдышки, глядя в небо, даже не думающее вернуть свет, вернуть миру реальные цвета. Но какое-то удачно предрасположенное к человеку облачко позволило выглянуть на мгновение солнцу, которому до полудня оставалось пройти не больше пары часов. А торопиться человеку было куда, пусть и не известно в какое место точно, и было почему. Можно сказать, он шёл к жизни, он торопился выжить. Держась за посох обеими руками, кряхтя (неожиданно для самого себя), он поднялся, выгнул спину, насколько это было возможно в панцире, и вернулся к месту раскопок. И не просто так. Там же оказалось ещё три добротных лопуха, которые он выкопал в течение десяти минут и засунул за пояс, про запас. Он должен был идти, если хотел выжить, но и питаться, что было не менее важно, пусть и скудно.

Готовый и передохнувший, он продолжил уже обычный путь вдоль реки. Жизнь под тучами темнела и затихала, только человек шёл, медленно, где-то в своих мыслях. В природе была закономерность и понятность, гармоничность. Что-то умирает, позволяя жить другому, без обид и сожалений, ибо такова жизнь. Но человек шёл, вопреки, где-то в своих, непонятных природе, мыслях, которые выходили за грани рационального и закономерного.

А дождь ударил вполне закономерно... Сильно и нещадно! А ветер вышиб хорошей дубиной воздух из лёгких человека, чуть не повалив его. Человек согнулся и прижался к

посоху, будто к матери, способной защитить от всего и вся. Но нет... Вода резала и прошивала, забираясь под каждый кусочек материи, и даже за панцирь. Глаза человека практически ничего не видели – лишь то, что было под ногами. Горы? Холмы? Безмерные рощи? Нет, ничего не позволяла увидеть, опустившаяся на землю молочная пелена. Где-то прогремел гром, похожий скорее на болезненный треск ломающегося дерева. Некогда мягкого рокота реки и подавно не было слышно, всё заглушил сплошной ударный шум дождя. Он за секунды не оставил от человека сухого места, в прямом смысле. Он был вымочен до нитки, но холодно ему не было. Подступивший болезненный жар согревал, и даже если бы не дождь, то человек всё равно был бы мокрым. Один страшный зверь сменился другим – голод на стихию. Идти снова стало невыносимо. Глаза не раскрывались больше щёлочки, в нос так и пыталась затечь вода вместе с вдыхаемым воздухом, пропахшим влажной землёй и травой, осенней прелостью. Вода была везде, она текла всюду. Волосы на голове и лице слиплись и превратились из огненно-рыжего в бурый. Нет, идти дальше глупо – впустую тратить силы, борясь со стихией и дрянной почвой, которую развезло будто сопли.

Тяжело и неуклюже шагая, он добрался до растущей у реки ивы. Широкие, кустистые жёлтые ветви дерева, растущие, будто соломенные волосы прекрасной девы, и ствол, склонившийся к земле, прикрыли человека от ливня. Меж вет-

вей, конечно, капало, но уже было лучше. Он прислонился к стволу и позволил себе немного передохнуть в ожидание кончины ливня, обсыхая и обтекая от воды.

Воздух стал прохладным, отчего дыхание из ноздрей и рта выходило облачками пара. Да и лихорадка сменила жар на озноб, что вместе с мокрой, сырой, холодной одеждой, липнущей к телу, и прохладой ледяного стального панциря, дарило невероятное чувство одиночества и отречённости, пробирающее до глубины нутра. Но возможно это была лишь дрожь, сотрясающая всё тело в попытке согреться.

Трясущимися пальцами, будто ветви на ветру, он развязал завязки наручей, панциря и поножей, освободившись от доспехов, снял полностью и всю одежду, оставшись в чём мать родила. Развешал её на стволе и присел на выбивающийся из почвы корень голыми ягодицами, что тут же вызвало холодный всплеск дрожи, хлынувший волной по телу. Он сидел, подобрав колени к груди, пытаясь согреться и разжёвывая очищенный, будто кол на вурдалака, корень лопуха. Покончил со скудной пищей, и его вдруг стало клонить в болезненную дрему, из которой его постоянно вырывала дрожь или порыв ветра с порцией холодного дождя, заставляющего всё тело сжаться в один комок, зубы сжаться в страшном импульсе, а дыхание отказаться от своего труда. Но как бы ни было сложно, а дрема всё же объяла сознание, и позволила незаметно и менее болезненно переместиться в будущее, где ливень переставал, переходя в лёгкую тёплую морось. С вет-

вей ивы падали тяжёлые капли воды в здорово разлившуюся реку, отзываясь стрелами брызг. Небо светилось синевой в разрывах меж грязных туч. Солнце, вновь показавшееся, подсказывало, что в дрёму человек упал как минимум часа на три-четыре – оно уже перебежало зенит, когда по началу дождя до полудня оставалось ещё несколько часов. Жизнь потихоньку возвращалась в мир после ливня: птицы сотрясали воздух своим чириканьем, муравьи ползали по выгнутой к земле стороне ствола ивы, мелкие рыбёшки вырывались из воды, пытаясь схватить мушку послаще. Солнце, будто свеча во мраке, освещало редкими лучами густую тьму реки, вновь игриво клокочущую с новой силой.

Одежда была всё ещё сырой и долго бы оставалась такой из-за повышенной влажности воздуха, но делать было нечего, и человек стал натягивать её, встречаясь с мокрым сопротивлением. Тело прошибало в дрожь от каждого соприкосновения – оно привыкло за несколько часов к низкой температуре, кожа обсохла, как и волосы, но теперь его снова заставляют терпеть холод влаги. Губы его были сухи, что бедная почва в пустыне, а голод снова показывал зубы. Человек спустился к воде, но идти и практически не нужно было – она поднялась по корню дерева, и ему нужно было лишь опуститься на колени, однако жажда отпала как-то сама собой, когда он увидел разного рода сор и муть в воде, а подняв взгляд он разглядел плывущий в паре метров от него серый трупик не то мыши, не то крысы лапками кверху. Да,

пить уже как-то не хотелось, можно было и потерпеть, но голод таких вольностей не спускал и сразу напомнил о себе. Поэтому человек загрыз предпоследний из оставшихся корней, невесело хрустя в раздумьях о дальнейших планах. Но думать было особенно не о чем: двигаться он будет так, как решил ещё утром. Острым углом вставал вопрос пищи. Однако и на него был ответ – останавливаться, чтобы сделать какую ловушку на мелкую зверюгу или попытать счастье с острой по колени в реке он не мог – не было времени. Лихорадка уже ломала и бросала его тело из ада во льды, а когда одевался, он нехотя заметил, что пятна прибавились в количестве. Оставалось только надеяться на дары природы.

Тучи стойко сохраняли свои позиции, потому небо всё ещё было нечистого сланцевого оттенка; дул неприятный ветер, пробирающий до костей, несмотря на сталь панциря. Ноги и посох, чавкая, впечатывались в грязь, ещё не успевшую высохнуть. Редкие лучи солнца отражались от чистых луж, образованных в небольших прибрежных кармашках холмистой местности. Настоящие горы были всё дальше и, если бы не их белоснежные пики, то совсем бы потерялись – не разглядеть без подзорной трубы. Река извивалась, что змея, заставляя человека вслед за ней вилять меж крутых холмов и зарослей, а то идти на прямик сквозь заросшие ряской низинки, спотыкаясь о подводные камни и коварные ямки, невидимые за растительностью. Где-то приходилось совсем уходить, чтобы обойти разлившуюся реку или глубокие, но небольшие – и пара телег бы не прошли вместе через такие, заболоченные озёрца, поросшие необычным для этой крутой околоторной местности камышом. Но долго такие приключения не продлились – относительно одной высоты площадь перешла в пологие и долгие склоны, которые не позволяли воде застаиваться. Он уже снова шёл меж каменных пейзажей покрытых в основном хвойной растительностью: ели, сосны, какие-то карликовые кустики с зелёными иголочками и маленькими кругленькими шишками, ка-

кие человек ещё не видел, были знакомые ему лиственницы, но больше всего здесь было, конечно, сосен и особенно елей, которым такая каменистая бедная почва, с редкой зеленью, была только в радость. А идти, наконец, стало возможным без труда с вырыванием сапог из присосавшейся почвы.

Да, пейзажи представляли восхитительные, захватывающие дух! Стоя на небольшом обрыве и опираясь на здоровый валун, поросший тонким мхом, его бедному и измученному взору предстала долина в вечернем свете, насколько хватало взора, усеянная зарослями жёлтых осенних елей, с редким, но прелестным, сухостоем, ещё держащемся за почву с усеянной ещё зелёным, прямо мраморным, ковром, меж будто разбитых огромным молотом гор, растущих теперь в ширину. Возможно ещё пару сотен лет, и от видимых горных стержней не останется совсем ничего – они растекутся в царственные холмы. Человек видел, как его путеводная река вдалеке разделяется на две перед одной из тех каменных глыб, цвета шунгита с аккуратными песочными пятнами, но и здесь он не будет долго выбирать. Он видел, как левый рукав уходил в пушистые от деревьев степные равнины, а главное на северо-восток – туда-то он и уйдёт, как только пересечёт долину. С высоты совсем не было видно следов от полуденного ливня, а дно долины было щадящим – без холмистых волн, поэтому он надеялся к сумеркам дойти до степей.

Уже знакомый прохладный лёгкий горный ветерок вернулся, приветственно поигрывая с рыжими кудрями, слипшимися на лбу, а затем остужая вместе с вечерней прохладой осени его приданное лихорадке тело, взмокшее от пота. Потоки ветра задорно шагали среди просторов долины, шурша еловыми ветвями, будто приглаживая шерсть гигантского кота. Вся долина решила насытиться кислородом прежде, чем уснуть в глухой ночи. Безмерные просторы утопали в огненно-красном зареве, которое без труда окрашивало тяжёлые, пышные, будто пух, мутно-сизые облака. Мысли, пусть и разгорячённые болезнью, – рассеивались; нервы, натянутые, что струна, – расслаблялись; дыхание – выравнивалось; уже порядком заострившиеся руки, держащиеся за посох, – вздохнули с облегчением, будто с них сняли массивные чугунные кандалы; грудь перестала дергаться в ужасных конвульсивных взлётах и падениях – дыхание выровнялось. Неприятная мысль всё же коснулась сознания человека...

Он стоял меж тёмных елей, подобных гигантам, головы которых всё ещё были окрашены в цвета заката, и понимал, что сегодня ему не дойти до степей... как бы он ни старался! Но не дойти... Время текло для него как-то совсем иначе. Он не стоял, а постоянно шёл, без остановок, от чего ноги уже давно перестали жаловаться на свою нелёгкую судьбу, а

просто тянулись за хозяином, который бросал их вперёд, что мешки с мукой. Да, он шёл... но время бежало, что и тень не угонится. Закат уже нещадно скрывался за холмами, отбрасывая последние лучи перед погружением мира в нещадную власть мрака

В горле встал ком не то безнадёги, не то жалости и печали. Он повернулся, чтобы как-то оправдать себя, оценить путь, что он всё же успел пройти. Но что-то напугало его до безумия, а ноги заставило подкоситься, что он лёг на ствол сосны, – человек не помнил, как прошёл свой путь... Из памяти будто сбежали воспоминания о том, как растянулись эти жалкие сотни метров! Он всё ещё видел эту террасу на крутом утёсе, видел тот покрытый тонким слоем мха валун. Несколько часов вырвались из хватки его памяти... Спуск с террасы, преодоление крутого склона, которые даже с его ногой растянулись бы в худшем случае минут на пятнадцать, превратились в часы. Часы, которые ему уже не вернуть, не нагнать.

– А-а! Р-а! – он рычал и выл, будто демон, будто зимняя пурга. Гнев и отчаяние наконец-то взяли верх над человеком.

Он размашисто хлестал о землю посохом, что почва и трава летели вверх, бил посохом о стволы елей, что руки пружинисто содрогались от ударов. Рычал и выл, и снова рычал и выл. Он не мог согласиться с таким исходом, не мог принять поражение, да ещё и такое коварное – от собственного

сознания, собственного разума.

Когда наконец посох переломился надвое от очередного удара – в ход пошли кулаки, а противником выступила земля, смачно прессующаяся под ударами широких кулаков. Тело сотрясало в гневе, а глаза наполнились слезами, со звуками из уст вырывалась густая слюна, будто у бешеного зверя. Он не мог проиграть! Он не может умереть! Нет... Он не может сдаться...

Здоровое, спасительное озарение пришло достаточно скоро, когда обессиливши, он припал щекой к холодной земле, как раз в том месте, где он её лущевал.

Он аккуратно встал на колени, поднимая тело руками и спиной, выгибаясь будто кобра. Обречённость и безнадёга, всё ещё будто гуляли по венам, заставляя сомневаться во всей этой борьбе и терпении, ведь есть кинжал... до сих пор острый, как бритва... всё было бы быстро, а после никаких мучений и борьбы, боли и самоугнетания...

Он шёл ковыляя, сильно наклонившись вперёд, где-то чуть не падая из-за высокого для него подъёма или корней елей, так не вовремя вырвавшихся из глубин сырой земли, но шёл, пусть и мучительно передвигая конечностями, тяжело топая. В голове была одна мысль: «Идти. Идти. Идти...». Несмотря на то, что он должен был быть всегда внимательным, аккуратным, чтобы какое-нибудь падение не стало последним, ведь местность, по которой он ступал была пересечена кочками, ухабами, рывтинами, от некогда здесь бежавших ручьёв, резкими подъёмами и спусками – всем тем, чем не была богата открытая поверхность, которую он наблюдал с утёса. Теперь же его тормозило не сознание, а природа.

Разрыв реки надвое он прошёл, когда месяц поднялся над головой, освещая и без того нелёгкий путь. Теперь боковым зрением правого глаза он всегда непроизвольно наблюдал громадную каменную глыбу, ставшую в лунном свете лазуритно-серой. Вблизи этого великана человек чувствовал себя маленьким, незаметным, незначимым, будто сжимался в размерах – становился не больше таракана или даже муравья. Появлялось какое-то гнетущее чувство, давящее на стенки черепа.

Но ведь и правда – он стал подобен таракану или муравью. Он только лишился жалкой деревянной палки, а уже скло-

нился и на четвереньках пытается преодолеть мало-мальски приличный холм; без помощи опоры он уже не может выпрямиться во весь рост. Но способен ли он иначе? Может его попытки преодолеть теперь ставшую для него долину вселенной, кажущиеся жалкими – естественны? Да и кто смеет судить калеку, которого изнутри сжирает заражение, а единственной опоры лишила безнадёга? За что и по какому праву?! А если и найдётся смельчак, то у человека есть друг... у каждого.

6

Руки его были черны, под ногтями будто спрятались целые валуны. Если бы не высокие поножи, прикрывающие колени, то и штанины разорвались бы, а колени исцарапались и сбились бы в кровь. Правая нога едва сгибалась, из-за чего, по большому счёту, – просто тащилась ненужным грузом. Одежда его была грязна, ужасно благоухала суровым мужским потом и была мерзко влажна.

Река наконец выровнялась с берегом так, что человек всё же смог смочить губы и наполнить кишки хотя бы водой, а пил он пока не стало подташнивать от избытка. Напившись, стоя на коленях и ладонях, он вгляделся в водную гладь, которая спустя многие километры очистилась и стала прозрачной, чистой, что алмаз, и переливалась в лунном свете будто тёмно-синий кварц. В чудотворном зеркале сиял месяц всем своим небесным величием, мутно, но всё же завораживающе мерцали звёзды, можно было разглядеть целые мириады, озаряющие небо бесчисленными, ещё неизвестными цветами радуги. Он видел тёмные силуэты деревьев, склонившихся над рекой и стоящих скромно вблизи. Он дышал глубоко и тяжело, но равномерно, однако, когда он увидел собственное лицо... в груди защемило. Волосы спутались и слиплись, как на голове, так и на лице; даже сквозь массив рыжей бороды было заметно, что щёки впали; веки будто потемнели

и опухли, но то могла быть и игра затемнённого зеркала реки, а губы, как их не смачивай, были сухи и незаметны среди одичавшей бороды. Собственное отражение пугало. Всё, что он увидел могло показаться во мраке ночи и лунном сиянии. Но чувства, ощущения, каждая клетка тела подсказывали, что ему ничего не показалось и ещё крепкое зрение не обмануло его.

Тут же, в воде, он сел, никого не стесняясь. Вода охлаждала ноги, а песок и галька ягодицы. Сквозь ноздри входил и выходил прохладный сырой воздух сумрака. Он смотрел на луну и думал о глупостях: «Интересно. Луна – светило, не хуже солнца освещает землю, но глаз не обжигает и зайчиков не оставляет...»

Прошла не одна минута, а луна не раз успела прикрыться дымными облачками, а он сидел и смотрел, после медленно встал, будто малый ребёнок, что совсем недавно научился ходить, и пошёл. Вода стекала со штанин, сыпала крупными градинами обратно в реку, хлюпала в сапогах. Тихо выйдя на берег, он снял сапоги, перевязанные бечевой в последнем лагере перед сечей, вылил воду, вернул на конечности и также тихо продолжил ход. Справа его всё также сопровождала скала и река, нарушавшая ночной покой.

Окружение не менялось и соответствовало горной местности, потому взор обвыкся и, к тому же в полумраке сумерек, он не сразу заметил небольшой кустик, и скорее не кустик, а пару низеньких веточек с увесистыми гроздьями каких-то мелких плодов. И вряд ли заметил, если бы не следил за каждой пядью земли по которой идёт, чтобы не утруждать ноги и, несмотря на обилие древесины вокруг, у него так и не вышло найти достойную замену посоху, так нелепо и неразумно потерянному, ибо сошла бы она лишь на хворост.

Заметив веточки с неизвестными плодами, он прибавил шагу, чтобы поскорее разглядеть, что ему подкинула судьба. В душе появилась едва теплящаяся надежда, игривое чувство, как у охотника, что притаился в ожидании добычи.

Взял одну из гроздей в четыре ягодки в пальцы, повернул к свету до того скрытые под широкими листьями на тонких веточках. Плоды были небольшими шариками, неприметными на первый взгляд, а их нежно-красная гладкая кожица давала глянцевый отблеск.

Человек аккуратно улыбнулся – его ожидание оправдалось. То были плоды брусники. Первую гроздь он тут же без остатка забросил в рот. На зубы выдавилась влага, язык ощутил терпкий кисло-сладкий вкус, проглотил. Он собрал всё, что было, и с приподнятым настроением заковылял дальше,

оставив голым кустик брусники. Голод, конечно, такой пищей только пугать, но что дано судьбой, то и примем. Так считал человек.

Он закидывал ягоды в рот, дорога делалась быстрее, да и идти вдруг стало как-то легче, бодрее. Однако, человек не замечал, что с каждой проглоченной ягодой сердце его билось сильнее и чаще. Не заметил он и как закончился весь его судьбоносный запас.

Зрение стало острее, но по краям видимая картинка будто расплывалась, шла рябью, а человек, удивляясь и глупо радуясь, думал: «Может ли пища так воздействовать на бедную и голодную плоть, наливать силой?». Не заметил он как тело стало сыпать дрожью, а дыхание, и без того тяжелое, стало томным, будто дышишь банным жаром. А зрение же, став острее, стало замечать какое-то движение меж деревьев: мелькающие фигуры, лишь тени, образы, а главное – они были всюду. Глаза замечали, наверное, десятки неопределённых призраков, петляющих меж стволов деревьев, скрывающихся за юбками сосен, будто стремящихся прочь от человека. Дыхание спёрло, он дышал не хуже коня, летящего в галопе. Вот он уже бежит за этими невидимками, тенями!

– Подождите! – кричал он надрывающимся, зарывающимся в собственном дыхании голосом, с сердцем, разрывающимся от страха отстать, остаться в одиночестве, быть брошенным и этими пилигримами.

– Я... не... причину... вам... зла!.. – снова выкрикивал

человек, задыхаясь, с надеждой замедлить путников, несущихся что сами бесы от благодатного огня.

Ковыляя, спотыкаясь, почти падая, он бежал за ними, кричал, проклинал, но бежал. Однако тени летели, что ветер, что сами валькирии на своих крылатых конях.

Но всё изменилось, когда он увидел её. Когда увидел её соломенные волосы, стянутые на лбу черной лентой, худую, но крепкую фигуру в свободном сером платье по лодыжки.

Он ничего не успел сказать, да и не смог бы – дыхание остановилось, лёгкие будто стянуло, а ноги потеряли с трудом сохраняемый безумный ритм и отправили его в полёт, будто ласточкой в воду.

В голове будто били в набат, видимо хорошо стукнулся о корни, на которых лежал той самой головой, лицо горело, руки пульсировали болью. Он не помнил, как падал, но помнил её лицо, что видел в последний момент. Всё тело морозило, человеку было страшно холодно. Тени исчезли, лица матери он не наблюдал. Он попытался встать, но попытка кончилась падением на колени. Пытаясь отдышаться, он поднял голову. Его непроглядный лес, еловая чаща и её мгла. Но её лицо он вновь видел, будто днём, лицо матери. Она манила, звала в свои объятия, вытянув руки. Лицо было заплакано, распухло, глаза красные, полны тоски и нескончаемой любви.

Он встал, опираясь о колени, *вдохнул-выдохнул*, пошёл, будто на деревянных палках. Но как бы не старался – он не мог приблизиться к ней! Каждый шаг к ней увеличивал путь

ещё на шаг. Она уходила вглубь леса, пролетая меж ветвей, да, именно пролетая. Он не видел её шага, её тело перемещалось какой-то чудесной силой, она будто летела.

– Мама! Мама!.. – кричал, надрываясь человек.

Он вновь бежал, кряхтя и пыхтя от боли, злобных болезненных конвульсий, сотрясающих тело. Ревел от натужного дыхания, что печь в избе с узкой трубой. Теперь он кричал ей, звал её, просил не оставлять, пытался узнать почему покидает его, почему не бежит к нему. А зрение заметило ещё одну фигуру, краем глаза. То был его отец. Суровое, при этом добрейшее лицо, покрытое, как и голова, рыжей шевелюрой. Широченные плечи, рабочие руки, ладони, что лапа медвежья, а на теле белая рубаха. А глаза устремлены к нему.

Но он не пытался взглянуть на отца. Теперь же левый глаз углядел фигуру. Соломенные волосы, стянутые лентой на затылке, лицо чисто, как всегда, благородно. На его крепком молодецком теле стальной панцирь, шею прикрывает металлический воротник, плечи и кисти тоже в стали, а ноги защищены поножами. Он настоящий всадник с благородным белым жеребцом. Его старший брат. И он смотрел на него, а конь, скача рысью, держал их рядом.

Он видел их, что днём, но сам же утопал в лунных волнах, накатывающих сквозь хрустально-чистое небо. Они будто шурились от яркого летнего солнца, в их глазах, на их коже, на их одеяниях играли солнечные зайчики, их головы были освещены будто нимбом. Он же, умирая, бежал в океане

ночи, то выплывая из воды тьмы, то буквально захлёбываясь ею.

Меж еловых ветвей выплыли три маленьких фигурки, три сестры, три светло-рыжих головы, играющих блеском густых здоровых волос, величественно мерцающих вспышками. Одна чуть выше другой, одна чуть старше другой, они держались за руки. Мерцали и пылали меж ветвей и стволов. Будто из глубин пещер был слышен их звонкий девичий смех, заставляющий невольно начать смеяться вслед. Их ножки легко ступали на землю с женственной лёгкостью, но и они были неуловимы, скакали, что пятнистые лани по полю, не замечая холмов и горок, без устали.

Они все были здесь. Все рядом с ним. Но он не мог их догнать!..

– Я хочу быть с вами! Оставайтесь! Вы мне нужны! Я... хочу... быть... с вами!

Если они и слышали, то ничего не могли поделать. Они лишь взирали на него с лёгким взглядом, расслабленным лицом, не омрачённым заботами и тяжбами. Они не могли быть с ним, но остаться его частью. Только лицо матери выражало боль и скорбь, тень мук и страданий. Ничто уже не разгонит её сплин. Никто не заполнит их пустоту. Лишь крыльев шум и перьев белых, что в землю лягут.

Он очнулся с первыми лучами рассвета, бестактно проби-
вающимися сквозь веки. Чувствовал он себя, что улитка в
разбитой раковине. Лёгкая лихорадка, которая у него была
до этого, и в подмётки не годилась тому, как он ощущал се-
бя сейчас – ледник, будто оказался с головой подо льдом. А
самое главное – человека так тошнило, что казалось, будто
разорвёт от напряжения. То немного, что было в желудке,
всё же вышло в одном длительном и очень болезненном рыв-
ке, сжимая его тело, как пружину. Он стоял на четвереньках,
испуская бульканья и стоны, глаза бестолково глядели в кис-
лотно-бело-зелёную с красным массу, в которую изредка ка-
пала тягучая гадкая слюна и остатки массы во рту. Язык ощу-
щал металлический привкус, который сам по себе заставлял
испытывать страдания, ощущал кисло-сладкую вязкость из
желудка, если бы ноздри не оказались вдруг заложены, то
ощутили бы все краски великолепного амбре, ползущего из
уст. Ещё несколько раз его вырвало лишь желудочными со-
ками, в придачу с кровью. А когда сил не осталось, он сел,
отвернувшись спиной к подаркам пробуждения.

Сердце замерло, дыхание остановилось, открытый рот не
закрылся, язык так и онемел на нижних зубах, глаза медлен-
но, что змея, переползали с фигуры на фигуру.

Пять коричневато-серых молоденьких волков, сидящих

на задних лапах, с разинутыми пастями. Их груди мерно вздымались и опадали, а пять пар тех же жёлтых и серых глаз с черными точками, вместо зрачков, глядели на него.

Человек просто ждал. Всё его тело, даже мысли, остановилось, кроме глаз. Он изучал их, пытался понять, что ему делать в этой совсем неожиданной ситуации. Он никак не ожидал увидеть этих волков после той встречи и уж точно никогда не готовился к такой встрече. Страх – нет... даже ужас, бросил обмёрзшее тело в жар, человек чувствовал, как на щеках выступил румянец, как к лицу подступило тепло. В висках больно отдавало ударами сердца, редкими, но мощными, как удар кузнечного молота на водяном колесе. Ладони, что опирались сзади в землю, вдруг жутко вспотели. Казалось, будто всё его тело пытается найти самую глубокую дыру в собственной плоти, пытается спрятаться по-тихому, чтобы твари ничего не заметили. Но они заметили, словили его страх налету, – животное ровно посередине оголило кошмарные зубы и встало, за ним ещё двое по краям, после них и те, что были сбоку от него. Глаза жоака будто шваркали молниями, горели кровью, заставляя волосы человека по всей поверхности тела встать дыбом. Безумное понимание того, что он никогда ещё так не боялся, ворвалось в сознание и будто ударило хорошей металлической дубиной, заставив потеряться в пространстве. Он прошёл не одну битву, держал удар чёрной кавалерии, сметающей всё на своём пути, оставляя лишь изуродованные трупы и визги раненых, ловил

стрелы, прошивающие чуть ли не на половину своей длины щит – и всегда страх и паника исчезали только-только начинали звенеть первые удары. Но теперь же дух покинул его, едва он увидел реальную возможность почувствовать дикие волчьи зубы.

Вожак не заставил человека долго наблюдать одни лишь угрозы. Издав короткий клокочуще-гавкающий звук, он послал двух крайних волков на него.

Зрение человека не уловило диких движений волков – стрелами они пронеслись к нему. Он успел лишь инстинктивно заслониться левой рукой, а сознание будто погасило восприятие мира и вернулось лишь в момент падения, когда голова звучно шлёпнула о рвотные массы, а из лёгких вышел весь воздух.

Человек видел, как огромные зубы твари клацают по наручу, пытаясь разгрызть, но тщетно, а сама она стояла на панцире, пригвоздив немалым весом к земле. Он чувствовал, как вторая тварь пыталась сделать то же самое, только с ножом правой ноги, но ей удавалось только дёргать ногу из стороны в сторону. Три волка с удивительной, почти человеческой разумностью, обходили лежащую жертву по кругу, на случай, если та вырвется.

Человек беспомощно бил по морде волка, вцепившегося в его руку, снова и снова, но всё зря. Тварь рычала и скользила по стали. Мир будто замедлился. Человек видел окружающие его стволы деревьев, уходящие ввысь своими колючими

конусами, видел лучи рассвета, будто получившие оболочку, он видел слюну, капающую из пасти животного, но больше всего его захватил вид здоровенных клыков, кои он мог прекрасно наблюдать. Вид волчьего орудия напомнил человеку о собственном.

Он вонзил кинжал в грудь волка по самую гарду, лишь благодаря которой удар остановился. Животное тонко взвизгнуло, испустив воздух из лёгких, а человек провернул кинжал на четверть оборота, заставив тварь обвиснуть на нём ещё горячим, но уже пустым телом.

Рыча не хуже окружающих его волков, он откинул труп и резко поднялся, размашисто полоснув по морде второго волка.

Поражённые внезапной контратакой человека, волки опешили, подарив ему мгновения, чтобы сорваться и побежать.

С момента волчьей атаки и контратаки человека прошли такие же мгновения, казавшиеся вечностью.

10

Останавливаться они и не думали, и не отставали от своей жертвы, что имела наглость пропороть одного из них. Они чувствовали его страх кончиками языка, всей глубиной ноздрей, чувствовали его слабость и усталость, они слышали его рваное дыхание. Слюнки текли от предвкушения будущего пира, а зубы алчно щёлкали. Они выли и рычали, пугая человека, чувствовали возбуждающую сладость погони. О да, возможность затянувшейся погони только радовала их – он и братья развлекутся всласть.

Он бежал из последних сил, теряя контроль над сознанием с каждым шагом. Он не понимал, как и зачем он бежит. Он был так измотан, что если бы сейчас упал, то не встал бы уже больше никогда. Однако он бежал. Скакал, что горный козёл по кочкам, перелетал через обрывы. Бежать стало вдруг легче – равнина пошла под спуск. Несколькими ударами сердца позже он услышал рев реки. Ещё несколько ударов. Он видит её очертания и блеск, туман, стелящийся по рваным берегам и над поверхностью воды. Ещё удар, и он понимает, что убежит только в Хельхейм, но может уплыть от тварей, что воют за его спиной, бросая его в пот. Он срывает кинжал с пояса, на ходу срезает завязки наручей, тут же отбрасывая их, то же самое с трудом проделывает и с панцирем, выпрыгивая из него. Бежать и дышать становится несказанно легче, и ему удаётся вырваться к берегу, оставив некоторую фору, чтобы освободиться из поножей. Но долго с ними разбираться не пришлось – оказавшись не стянутыми, они сами отвалились от сапог.

Река клокотала и ревела, а, судя по водам, темным, как сама Бездна, была ещё и чертовски глубока. Он обвёл берег взглядом и, о Боги, в десятке шагов от него лежало хорошее бревно, порядком обглоданное рекой.

Когда он взялся за бревно, волки уже вырвались на берег

и практически вместе с ним входили в воду. Но сила течения, глубина, отсутствие особенной плавучести, не позволили им продолжить погоню. Они вырвались из воды на берег и шествовали вслед за человеком, который, держась за бревно, уходил от погони.

Вместе с бревном он преодолевал порог за порогом, которые стали появляться всё чаще, волки отстали, заплутав где-то среди густого прибрежного кустарника. Долго оставаться в холодных водах он не мог, да и нужно было дальше двигаться. Но с ужасом он обнаружил, что тот мрачный каменный стержень, что всегда был справа, переместился по левую сторону. Но, боги, как он мог оказаться так далеко от намеченной цели, от тех степей, которых он почти достиг? Боги...

Однако усиливавшееся с каждой секундой течение, подбрасывание бревна и его вместе с ним на порогах заставило покинуть край размышлений. Гладкая, почти зеркальная поверхность сменилась каменными острыми глыбами, торчащими то тут, то там, заставляющими течение биться из стороны в сторону, пускать потоки воды в дикий штопор. Человек вцепился в бревно руками и ногами, но он всё равно едва удерживался. Он скакал и прыгал будто на необузданном жеребце, его заливало и топило в воде, пальцы, замёрзшие и одеревеневшие, скользили по сырой древесине, намокшая одежда добавляла труда и тянула ко дну. Очередной перепад развернул его на пол оборота и мгновением позже он встретился с валуном. Воздух вышибло из лёгких, боль проскакала по черепушке, в глазах потемнело, а бревно, которого он так старательно держался, шедшее по инерции, сработало

аки таран по его груди. Руки обмякли и поток подхватил его, забросал на порогах, как куклу, набитую соломой. Он тонул и глотал воду и если бы не частые броски, то он ушёл бы на дно.

Звёзды перед глазами, вода и огромное, безумное количество воды! Он уже не думал, не осознавал, лишь просто понял, принял тот факт, что дальше ничего, и сейчас он полетит вниз, с неизвестной высоты.

И летел он не долго. Сначала его вышибло, будто ядро из катапульты, а после вниз, ибо крыльев не имел. Он видел камни, потоки воды, разбивающиеся в пар. Ветер падения закладывал уши. На какое-то мгновение он удивился и возрадовался возможности полетать, но недолгая эйфория сменилась всезаполняющим ударом о воду. Казалось, будто река выплюнула человека и вновь не хотела принимать в своё лоно. Он стремительно шёл ко дну, но то также были мгновения, и уже скоро он встретил головой камень. Боль, холодная боль, настолько сильно пролетевшая ураганом по нитям нервов, что мочевой пузырь испустил всю жидкость, которую его носитель успел проглотить. Боль была недолгой, вновь мгновение, потому как сознание вышибло, будто седока копьём из седла.

Его вынесло на берег, где он лежал одним мокрым пластом, оставаясь по пояс в воде. Под головой его была засохшая кровь и холодный песок, волосы были черны и, вроде склизких водорослей, накрывали голову сверху. Можно было бы назвать его мёртвым, но, оказавшись на берегу, первым делом он выпустил всю воду, какую успели всосать его лёгкие, выпустил будто демона при обряде экзорцизма, а после упал. Он дышал, редко, тяжело, но дышал.

Неизвестно сколько он пролежал, но солнце успело перевалиться за точку зенита, там, за тучами и облаками, что заволокли небо серой зернистой вуалью. Ветер был спокоен, как и, вдруг, весь мир вокруг, который покинули шумы жизни. Всё затаилось, спряталось, превратилось в пустыню, тишину которой разрывал лишь водопад, сюзерен самого времени. Весь мир будто окутался трауром.

Глаза человека раскрылись, вернее раздвинулись – жутко болели от воды. Он ощутил гранулы песка на языке, зубах и даже в ноздрях. Его сознание ничего не воспринимало, хотя плоть чувствовала и ощущала то, что могла. Разум и рассудок ещё будто не проснулись от тяжёлого сна, полного кошмаров, стремящихся переползти в реальность и содрать с тебя кожу.

Он очнулся, и никто не скажет, как долго он был за гранью реальности. Он был подобен юнцу, что оказался в шторм на шлюпе, только тем судном было собственное тело. Оно горело, пылало, а потом вдруг нахлынывала холодная волна, заливая всё с головы до ног. Лёжа лицом вниз, он отплевался от песка и едва смог перевернуться на спину. Руки были невероятно тяжелы, но при этом будто забиты пухом. Нереальное головокружение сдавило голову, отчего человек непроизвольно стиснул зубы и веки, да так, что дёсны взвыли, а перед сокрытыми веками стали распускаться разноцветные окружности. Виски сдавило ударами сердечного гонга с непрекращающимися, на удивление, танцевально-ритмичными ударами. *Вдохнул-выдохнул, вдохнул-выдохнул, вдохнул-выдохнул*. Но тело отказывалось подчиняться – оно горело, изнутри.

Пальцы тряслись и у него всё никак не выходило расстегнуть чёртовы пуговицы на влажном, потому тяжёлом, подспешнике. Руки устали, он отступил.

Боги, он никогда бы не подумал, что ему вдруг станет сложно просто расстегнуть пуговицы. Но правда была налицо – он был слаб как никогда.

Отвлекаемый болью, разрывающей череп, слабостью, или даже бессилием, он только заметил, что по пояс в воде и тут

же по коже прошёлся морозец. Не раздумывая, он попытался вытянуть их, но из затеи ничего не вышло. Собственные ноги будто тянули его камнем на дно, а руки предательски сгибались под усилием вытолкнуть тело назад, из воды. Он упирался, пытался помочь ногами, но те так замёрзли, что не могли согнуться для простейшего толчка, однако дело было не только в длительном пребывании в ледяной воде. Он рычал, скулил волком, проклинал богов и вновь их призывал, выражался покрепче старого замшелого рыбака и снова проклинал мир на погибель, но чёртово тело едва двигалось. Дыша, что загнанный конь, он упал на песок, холодный и податливый.

Ему было так страшно и одиноко, как было, когда он схоронил отца, в первые же дни сражений, а через два года и брата, прекрасного и столь сильного, что ударом мог свалить вепря, но свалился от страшной раны в груди: ровно по солнечному сплетению, оставленной извивающемся лезвием черного всадника, который вышиб его на всём скаку из седла...

Человек не помнил, как увидел всю свою семью, вместе. И уже не вспомнит.

Он перевернулся на живот и, вроде морского котика, опираясь на обе руки, стал бросать тело вперёд, с каждым падением вырывая ноги из воды всё дальше и дальше. И вот он уже лежал далеко от реки, хотя всё ещё на берегу. Песок вырывался из-под его губ с потоками горячего дыхания.

Он был вымотан, выжат, как тряпка, обессилен, в животе урчало, крутило и ревело, в глотке гуляла навязчивая тошнота. Едва смог перевернуться на спину. Вновь предпринимать попытку расстегнуть пуговицу он не стал. Он понимал собственное тело и оставил сами попытки сдвинуться с места. Лучшего места он найти не мог.

Нет, он не смирился, ему было страшно, он не хотел умирать, он был зол, в гневе от слабости плоти. Он ненавидел всё, что можно было ненавидеть, но понимал неизбежность... Он глядел в небо, пустое, наполняющееся всё более мрачными оттенками. Он не хотел дождя, но и солнца. Он хотел тишины. Спокойствия.

– Ма... ма...

Он не помнил или не мог вынуть из глубин разума образ матери, которой не видел с отъезда. Помнил лишь её запахи, дурманящие ароматами соломы и дыма и тепло её прикосновений, столь нежных, что хотелось уснуть в её объятиях. Но, улыбаясь, всё же вспоминал, что она была ниже своих ещё юных сынов и гораздо ниже супруга, но небольшой рост несколько не умалял её красоты, прелестности. Она была навряде розы, что прекрасна и сильна.

Вспоминая отца и брата, он видел лишь их разбитые, пустые тела. Всё время всплывали эти бездонные ямы, пытающиеся всосать вместе с мертвецом ещё пару человек.

Озорных сестричек он совсем не помнил. Почему-то не мог вспомнить и имён.

В глазах темнело, а дыхание слабо, выравнивалось, но его всё ещё лихорадило, сушило губы, которые будто стягивались с каждым вдохом. Чёртова одежда была мокра, как требуха рыбы. Боги. Как же ему страшно, как не хочется умирать... Голова, налитая свинцом, никак не отпускала из хватки разум и сознание, мешала думать, вспоминать. Веки почти не закрывались, отчего небеса время от времени будто пульсировали.

Он расслабился и обмяк, власть покидала его руки, и пришла пора вернуть долги.

Они пришли с лучами заката, пробивающимися сквозь мрак небес. Их поступь была беззвучна, потому человек заметил их лишь когда они подошли вплотную. Животные были крепко сложены, а мех их царственно блистал в последних лучах. Они были спокойны, дышали тихо, смотрели будто извиняясь за своё чужеродное общество.

Человек раскрыл веки. Не моргая, глядел в глаза вожака – чёрного волка, длинного, но сложенного благородно, чувствовал силу и какую-то животную мудрость. Ужас и страх кололи, резали и избивали всё тело. Слезинки-близняшки скатились из глаз.

Они накинулись. Вцепились всей мощью челюстей. Рвали и драли. Человек выл, будто дьявольская банши.

Но ещё тише опустилась Смерть. Крылья её были, как у громадного орла, а цвета мокрой сажи, серая кожа не отражала света последних лучей, горящие ярко-синим глаза будто улыбались, но улыбки на устах не было, но было будто понимание и успокоение. И молвила беззвучно Смерть:

«Нет ангела больше, чтоб душу спасти!

И холод сковал твои сердце и плоть,

И вскоре заплатишь ты жизни долги -

Ты стал слаб, чтобы страх побороть.»¹

¹ Слова из песни «Гори» метал-группы Decord

Не было сил в нём тогда, хоть была ещё крепка рука и кинжал при нём. Теперь пусть и не было сил в его плоти, но была в нём.

Вопреки. Испустив последний неистовый и полный гнева крик, он перекусил язык. Кровь горячая и стальная залилась, пульсируя, заполняла рот. Её было так много, что лилась в глотку, бежала в лёгкие. Он кашлял, будто грохотал гром. Знакомый холод обнял его тело, схватил последний клокочущий вздох, а дух подхватили белые крылья. Он был не один. Теперь его пустое тело раздиралось лишь зубами.